

Мерedit Дьюран
Скандалное лето

Серия «Правила для безрассудных», книга 1

Серия «Стад-клуб», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6377672

Дьюран, Мерedit Скандалное лето : роман: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-079382-2

Оригинал: MeredithDuran, "THAT SCANDALOUS SUMMER"

Перевод:

В. И. Агаянц

Аннотация

Знаменитая лондонская красавица Элизабет Чаддерли стала вдовой и оказалась в стесненных обстоятельствах. Разумеется, ей необходим новый брак, а точнее, выгодная партия. Пока же она отдыхает в далеком от столицы Корнуолле – и решается на маленькое развлечение, легкий флирт с обаятельным сельским доктором Майклом де Греем.

Что может быть проще!

Что может быть невиннее!

Однако очень скоро игра становится реальностью – и Элизабет с каждым днем все сильнее влюбляется в умного, привлекательного Майкла. Вскоре она понимает: убить в себе нахлынувшую любовь невозможно. А что сулит миссис Чаддерли брак с небогатым провинциалом? Связать жизнь с доктором де Греем – чистое безумие. Но... разве любовь подчиняется доводам рассудка?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	31
Глава 5	45
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дьюран Мередит Скандалное лето

Meredith Duran

THAT SCANDALOUS SUMMER

Печатается с разрешения издательства Pocket Books, a division of Simon&Shuster Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Meredith Duran, 2013

© Перевод. В.И. Агаянц, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Пролог

Лондон, март 1885 года

Городской дом его брата походил на склеп. За пределами ярко освещенного холла царил полумрак – тусклые лампы едва мерцали, сквозь наглухо закрытые ставнями окна не проникал ни единый луч. Оказавшись здесь, никто бы не догадался, что над Лондоном в этот час сияло солнце.

Майкл передал слуге шляпу и перчатки.

– Как он сегодня?

Джонс, дворецкий Аластера, всегда слыл образцом сдержанности. Но с некоторых пор вопрос Майкла стал частью ежедневного ритуала, и Джонс незамедлительно ответил:

– Скверно, ваша милость.

Кивнув, Майкл устало потер лоб. Две утренние операции отняли у него все силы, от него все еще разило дезинфицирующим раствором.

– Были посетители?

– Конечно. – Повернувшись, Джонс взял с буфета серебряный поднос с визитками. Зеркало на стене по-прежнему было затянуто черным крепом. Траурный покров следовало бы давно снять, ведь со дня смерти супруги Аластера прошло более семи месяцев, но за это время на владельца дома обрушился шквал неожиданных разоблачений – ему пришлось убедиться в неверности, лживости, порочности покойной герцогини. Каждое новое открытие наносило вдовцу неизлечимую рану, обращая его скорбь в чувство куда более грозное и зловещее.

Окутанное черным покрывалом зеркало было под стать погруженному в уныние дому. «Оно в точности отражает душевное состояние Аластера», – подумал Майкл.

Взяв у Джонса визитные карточки, он бегло просмотрел их, запоминая имена. Аластер никого не принимал, проводя дни в одиночестве, но его брат хорошо понимал: если не отдать ответного визита, поползут новые сплетни. Обыкновенно Майкл, взяв герцогскую карету и одного из лакеев Аластера, объезжал дома посетителей, чтобы, улучив момент, занести визитку брата, оставшись незамеченным. Не будь положение столь тягостным, он посчитал бы свои проделки забавным фарсом.

Одна из карточек привлекла его внимание.

– Приходил Бертрам?

– Да, час тому назад. Герцог не принял его.

Сперва Аластер отгородился от друзей, подозревая, что те, возможно, были причастны к козням его покойной жены. Теперь же, судя по всему, он с презрением отвернулся от своих политических союзников. Дурной знак.

Майкл направился к лестнице.

– Он хотя бы не отказывается от пищи?

– Нет, – отозвался Джонс. – Но мне велено не впускать вас, милорд!

Вот так новость! Полнейшая нелепость, ведь накануне вечером Аластер прислал записку, зная, каким будет ответ.

– Ты хочешь сказать, что вышвырнешь меня вон? – усмехнулся Майкл.

– Боюсь, я слишком дряхл и неможен, чтобы справиться с вами, – признался дворецкий.

– Ты славный малый. – Майкл проворно взбежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Должно быть, Аластер у себя в кабинете, жадно пролистывает вечерние газеты в отчаянной надежде, что слухи о пагубных пристрастиях его жены не просочились в печать.

А может быть, напротив, – желая увидеть эти новости на страницах газет, чтобы знать наверняка, кто еще его предал.

Но нынче вечером Аластеру не удастся узнать имена предателей. Майкл уже просмотрел газеты.

Его захлестнула обжигающая волна гнева. Неужели им с братом предстоит вновь пережить мучительное унижение, как в детстве, когда разваливающийся брак их родителей долгие годы служил пищей для пересудов, а гигантские газетные заголовки, на которые так падка лондонская знать, неустанно разжигали скандал. Майкл избегал думать дурно о мертвых, но на сей раз сделал исключение. «Будь ты проклята, Маргарет».

Он вошел в кабинет без стука. Аластер сидел за массивным письменным столом у дальней стены; лампа возле его локтя светила тускло, комната тонула в густом сумраке.

– Уходи, – проговорил он, не поднимая светловолосой головы, склоненной над газетными листами.

Проходя мимо окна, Майкл отдернул портьеру. Поток солнечных лучей ворвался в комнату, осветив восточный ковер и витающие в воздухе пылинки.

– Пусть кто-нибудь здесь приберется, – проговорил он, морщась от застарелого запаха табака и несвежих яиц.

– Проклятие! – Аластер отбросил газету. На столе перед ним стоял открытый графин с бренди, а рядом полупустой стакан. – Я же сказал Джонсу, что меня нет ни для кого!

– Это заверение звучало бы куда убедительнее, если бы ты хоть изредка покидал дом. – Аластер выглядел так, словно неделю не спал. Крупный, белокурый, в отличие от темнового Майкла, он унаследовал внешность покойного отца и прежде имел склонность к полноте. Теперь он казался пугающе изнуренным. Лицо его осунулось, вокруг налитых кровью глаз залегли темные тени.

Какой-то остролов назвал его однажды «создателем королей». Аластер и вправду обладал немалым влиянием, имел вес в деловых и политических кругах. Но если бы враги увидели его сейчас, они облегченно рассмеялись бы, не скрывая злорадства. Этот человек едва ли смог бы совладать даже с самим собой.

Майкл отдернул портьеры на другом окне. Давно не приходилось ему чувствовать себя таким беспомощным – только лишь в детстве, когда на недолгое время он стал пешкой в игре собственных родителей. Будь недуг его брата телесным, Майкл смог бы его исцелить. Но перед душевными страданиями медицина бессильна.

Обернувшись, он увидел, как брат жмурится от яркого света.

– Когда в последний раз ты выходил из дома? Месяц назад? Больше, я полагаю?

– Какая разница?

Поскольку подобный разговор между братьями проходил уже в девятый или в десятый раз, Майкл едва сдерживал раздражение.

– Как твой брат, я думаю, что разница велика. А как твой врач, я совершенно уверен в этом. Спиртное – чертовски плохая замена свежему воздуху и солнечному свету. Ты начинаешь походить на недоваренную рыбу.

Аластер скупно усмехнулся в ответ.

– Я подумаю об этом. А теперь меня ждут дела...

– Ничего подобного. В последнее время всеми твоими делами занимаюсь я. Ты только пьешь и валяешься в постели, предаваясь унынию.

Этими резкими словами Майкл надеялся расшевелить брата, заставить его возразить. Будучи старшим, Аластер всегда сознавал свое главенство. Прежде он ни за что не спустил бы брату подобного замечания.

Но на этот раз он лишь окинул Майкла равнодушным взглядом.

– Послушай, – продолжал Майкл, – я начинаю... всерьез опасаться за тебя. Месяц назад я беспокоился. Теперь, черт возьми, я схожу с ума от тревоги.

– Занятно. – Аластер снова уткнулся в газету. – А я-то воображал, что у тебя полно других забот.

– В газетах ничего нет. Я в этом убедился.

– А-а... – Аластер отложил в сторону вечерний выпуск «Таймс» и склонил голову, глядя перед собой невидящим взором. Погруженный в немое оцепенение, он казался поникшей марионеткой, у которой обрезали нити.

Майкл заговорил, стремясь нарушить гнетущую тишину:

– Как понимать твою записку?

– Ах да. – Аластер рассеянно ущипнул себя за переносицу и устало потер глаза. – Я, кажется, послал тебе записку.

– Наверное, ты был мертвецки пьян?

Аластер бессильно уронил руку, но в глазах его сверкнул гнев, что немного обнадежило Майкла.

– Напротив, совершенно трезв.

– Тогда объясни, в чем дело. Там какой-то вздор о бюджете больницы. – Отдернув последнюю штору, Майкл обнаружил источник скверного запаха – оставленный на полу поднос с завтраком. Джонс заблуждался: Аластер не притронулся к тарелке с едой. Должно быть, горничные побоялись забрать поднос, но не осмелились сказать об этом дворецкому.

– Не знаю, кто напел тебе, будто мы нуждаемся в средствах, это не так, – обернувшись, произнес Майкл. Черт бы побрал этих сплетников. Не следовало пускать в больницу того газетчика. Майкл надеялся, что статья затронет положение бедноты и необходимость правовых реформ.

Но вместо этого репортер уцепился за сенсационный сюжет: брат герцога собственной персоной заботится об отбросах общества. С тех пор больница оказалась в центре жадного внимания публики. Ее осаждали толпы любопытных, от любителей легкой наживы до политиканов – скупающие матроны, наслушавшиеся рассказней о Флоренс Найтингейл¹, мелкие мошенники, торгующие чудодейственными снадобьями от всевозможных недугов, и вдобавок политические противники Аластера, которые зло высмеивали Майкла на страницах газет в надежде нанести урон репутации его брата. Не будь Майкл так поглощен заботами об Аластере, он пришел бы в ярость.

– Ты неверно понял, – отозвался Аластер. – Это не пересказ слухов, а извещение. Вы лишили главного источника финансирования.

– Но ты и есть мой главный финансовый источник.

– Да, и я намерен положить этому конец.

Майкл замер на полпути к стулу, стоявшему напротив письменного стола.

– Прости... что?

– Я прекращаю финансирование больницы.

На мгновение Майкл онемел от изумления. Опустившись на стул, он попытался улыбнуться.

– Ладно тебе. Это неудачная шутка. Без твоих денег больницу...

– Придется закрыть. – Аластер нарочито тщательно сложил газету. – В лечении бедняков есть одно неудобство. Они не в состоянии платить.

– Ты... верно, шутишь.

– Вовсе нет.

¹ Флоренс Найтингейл (1820–1910) – английская сестра милосердия и общественный деятель, основоположница современной системы ухода за больными. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Их взгляды встретились. В глазах Аластера застыло безучастное выражение.

Майкла осенила догадка.

– Больница – не ее замысел! – Да, больница носила имя Маргарет, но так пожелал сам Аластер. Да, Маргарет поддержала идею Майкла, и все же больница была его проектом, его детищем. Тем единственным, в чем ему удалось превзойти брата. – Больница моя. – Итог почти десятилетнего тяжкого труда, средоточие его жизни. Ни одно другое лечебное учреждение в стране не могло поставить себе в заслугу столь низкий уровень смертности. – Боже праведный! Только потому, что Маргарет одобрила создание больницы...

– Ты прав, Маргарет ничто не связывало с больницей, – подтвердил Аластер. – Но я подумал и решил, что это неразумное вложение средств.

Майкл покачал головой, не в силах поверить в реальность происходящего.

– Должно быть, я сплю.

Аластер нетерпеливо побарабанил пальцами по столу.

– Нет, ты не спишь.

– Тогда это полнейший вздор. – Майкл хлопнул ладонью по столу и поднялся. – Ты прав. Ее имя не должно быть увековечено, она этого не заслуживает. Я сегодня же позову каменщиков. Мы сотрем ее чертово имя с фасада. Но ты не можешь...

– Не будь ребенком, – холодно произнес Аластер. – Ты не сделаешь ничего подобного. Газетчики раздуют из этого скандал.

Майкл разразился громким отрывистым смехом.

– Ты думаешь, они промолчат, когда больница внезапно закроется?

– Да. Если ты проявишь известную тонкость и деликатность.

– О, так ты хочешь и меня вовлечь в это безумие? – Майкл взъерошил волосы и с силой дернул за вихры, но боль не принесла утешения, а лишь добавила горечи, усилила смятение. – Аластер, неужели ты всерьез думаешь, будто я помогу тебе разрушить дело моей жизни, для того только, чтобы ты смог утолить жажду мести? Маргарет мертва, Ал! Ты не заставишь ее страдать! Пострадают лишь те несчастные мужчины и женщины, которых мы лечим!

Аластер пожал плечами.

– Возможно, тебе удастся пристроить самых слабых из них в какое-нибудь другое благотворительное учреждение.

У Майкла вырвался сдавленный взглас гнева. Ни одна другая благотворительная больница в Лондоне не располагала подобными субсидиями – средствами, выделяемыми Аластером, пятым герцогом Марвиком, в помощь нуждающимся. И Аластер хорошо это знал.

Отвернувшись от стола, Майкл сделал небольшой круг по комнате, чтобы унять бурю чувств, поднявшуюся в его душе. Им владела ярость. Гнев, горечь, изумление, сознание предательства терзали его.

– Кто ты? – воскликнул он, устремляя на брата взгляд, полный ужаса. Аластер неизменно поддерживал все его начинания, находил слова ободрения, снабжал деньгами. Хочешь изучать медицину? Отличная мысль. Открыть больницу? Прекрасно, позволь мне взять на себя все расходы. Аластер всегда был его защитником, верным другом... в юности он замечал Майклу родителей, поскольку, видит Бог, их отец и мать вечно были заняты иными заботами. – Это говоришь не ты!

Аластер снова передернул плечами.

– Я такой же, как и всегда.

– Черта с два! Ты уже давно не тот, что прежде! – Майкл на мгновение замер, сию секунду привести в порядок разбегающиеся мысли. – Боже мой, так, значит, это ее рук дело? Неужели

ты позволишь Маргарет разделить нас? Ты этого хочешь? Не может быть, Аластер, ты ведь не сделаешь этого!

– Я знал, что мое решение тебя огорчит. Мне, право, жаль. – Аластер пристально разглядывал свои сцепленные руки, лежавшие на столе поверх книги для записей. Книги с пустыми страницами. Он уже несколько месяцев не открывал конторских книг, не читал писем. Все его дела, все каждодневные обязанности легли на плечи брата.

Майкл нисколько не возражал. Когда он был ребенком, Аластер защищал и оберегал его. Потом представился случай вернуть брату долг, и Майкл действовал не раздумывая. Теперь же... мысль о бесконечных заботах последнего времени разъедала ему душу, словно соль свежую рану.

– Господи, неужели ты так поступишь со мной...

– Я делаю это ради тебя. У меня есть предложение. Я выскажу его, если ты успокоишься и выслушаешь меня.

– Успокоюсь? – У Майкла вырвался холодный смешок. – О да, давай-ка будем соблюдать спокойствие. – Аластер взглядом указал брату на стул, и тот снова сел, до боли стиснув зубы. Ему хотелось что-нибудь сломать, сокрушить. Рука его сама собой сжалась в кулак.

Брат, сидя за столом, устремил на него неподвижный испытующий взгляд. Когда-то за этим отвратительным огромным столом восседал их отец, надменно взирая на всякого входящего в кабинет, словно король, принимающий докучливого просителя.

– Я готов передать в твои руки весьма солидные средства, достаточно крупные, чтобы обеспечить твою больницу на долгие десятилетия.

– Стало быть, целое состояние. – Больница служила прибежищем для самых бедных горожан и существовала лишь на благотворительные пожертвования.

– Совершенно верно. Но есть ряд условий.

Майкла охватило недоброе предчувствие. По спине его пробежал холодок. Минуту назад ему казалось, что он не узнает сидевшего перед ним человека. Однако, возможно, он ошибался. «Есть ряд условий». Излюбленная фраза отца.

– Продолжай, – с опаской произнес Майкл.

– О тебе тепло отзываются в политических кругах. Считают... очаровательным, насколько мне известно.

Тревога Майкла усилилась. Превыше всего Аластер ценил дисциплину, смелость и предприимчивость, очарование же, согласно его шкале ценностей, занимало позицию чуть ниже твердого рукопожатия и элементарной гигиены.

– К чему ты клонишь? Начало меня не слишком обнадеживает.

Губы Аластера скривились в усмешке, больше похожей на гримасу.

– Возможно, излишне очаровательным. Ты должен знать, какова твоя репутация. Тебя видели входящим в дом некой вдовушки среди ночи, весьма опрометчиво с твоей стороны.

На самом деле это случилось три года назад.

– Господи, ну и память у тебя! Я никогда больше не допускал подобных оплошностей! – Майкл и вправду не давал своим любовницам повода жаловаться. Осторожность стала его второй натурой.

– Ты не проявляешь интереса к политике, это мешает делу. – Взявшись за кромку стакана с бренди, Аластер принялся рассеянно вертеть его. – Тебя не принимают... всерьез, скажем так. Это необходимо изменить. Тебе тридцать лет. Пора тебе преодолеть свое предубеждение против женитьбы.

– Какое еще предубеждение? Я вовсе не против женитьбы. Просто еще не встретил женщину, которая заставила бы меня задуматься о браке. – «А может быть, не встречу никогда», – добавил он мысленно. Родители преподали ему хороший урок, отбив всякое желание

связывать себя брачными обязательствами. – Не понимаю, при чем тут мое желание или нежелание жениться!

– Это важно. – Подняв стакан, Аластер опрокинул в себя остатки бренди. – Речь идет об интересах семьи. Если ты не женишься, титул перейдет к будущему потомству кузена Гарри. А этого нельзя допустить.

– Погоди. – Майкл возвысил голос. – А как насчет твоего будущего потомства?

Взгляд Аластера погас, лицо потемнело, стало суровым, замкнутым.

– Я больше не женюсь.

– Аластер, ты не умер вместе с ней! – воскликнул Майкл.

Но брат будто его не слышал.

– Выбор пал на тебя, – продолжал он безжизненным голосом, словно повторяя заученные слова. – Я требую, чтобы ты женился до конца текущего года. Взамен я выплачу тебе вышеупомянутую сумму, достаточно солидную, чтобы ты мог жить безбедно и вдобавок содержать больницу до конца своих дней. Однако я оставляю за собой право решать, верно ли ты выбрал невесту. Твои вкусы мне известны. Судя по женщинам, которым ты оказывал предпочтение, в подобных вопросах едва ли можно полагаться на твое благоразумие. Я не допущу, чтобы ты повторил мою ошибку.

Майклу вдруг показалось, что он тонет и глухой голос брата доносится до него сквозь толщу воды.

– Позволь мне уточнить: я должен жениться на женщине, которую выберешь ты. В противном случае больница будет закрыта.

– Совершенно верно, – подтвердил Аластер.

Майкл встал, чувствуя, как пол слегка качается под ногами.

– Тебе нужна помощь, Ал. Боюсь, я не в силах тебе помочь. – Он понятия не имел, куда обратиться за помощью. В клинику? Все его существо противилось этому. И как принудить брата начать лечение? Аластер – герцог Марвик. Никто, черт возьми, не сможет заставить его повиноваться.

Аластер тоже поднялся.

– Если ты не согласишься на мои условия, то потеряешь не только больницу. Тебе придется искать себе новое жилище – из квартиры на Брук-стрит тебя тотчас выставят. Вдобавок, разумеется, ты останешься без средств к существованию. Когда я лишу тебя содержания, тебе предстоит зарабатывать себе на жизнь.

Майкл коротко хохотнул и захлебнулся смехом, словно его полоснули бритвой по горлу. Угрозы, распоряжения, повелительный тон... С ним не обращались так со дня смерти отца. И кто, Аластер, от которого он меньше всего ожидал подобного обхождения.

– Ты не можешь лишить меня содержания. Оно назначено мне по завещанию отца.

Аластер вздохнул.

– Майкл, ты удивишься, когда узнаешь, сколь многое мне подвластно. Впрочем, уверен, мне не придется долго держать тебя в черном теле. Жизнь в бедности очень скоро смягчит твою непреклонность.

– Оставим притворство. – Майклу стоило немалых усилий сохранять ровный, спокойный тон, пытаясь убедить брата выслушать его, когда ярость клокотала в груди, грозя вырваться наружу. – Твои угрозы и моя... непреклонность не имеют ничего общего с заботой о наследниках. Дело в тебе. – В затворничестве брата Майкл видел лишь желание уединиться на время, дать волю гневу, излить горечь. Но недуг оказался куда опаснее. Аластер угрожал... а значит, предстояло сразиться за его душу. И Майкл ринулся в бой. – Ты позволил Маргарет одержать победу. Ты сдался. Отказался от собственной жизни. Боже, как такое возможно?

Аластер равнодушно пожал плечами.

– Я должен думать о будущем. Когда все раскроется...

– Ну и пусть раскроется! Пусть весь мир узнает, что Маргарет де Грей пристраслилась к опиуму, пусть болтают, будто она делила ложе с целым полчищем мужчин! Что с того?

Кривая усмешка Аластера заставила Майкла содрогнуться.

– История нашего отца ничему тебя не научила?

– То были другие времена. И отец заслужил свою участь. – Погрязнув в долгах и разврате, покойный герцог унижал жену, выставя напоказ бесчисленных любовниц. – Он стал изгоем из-за своего беспутства. – Тогда как вина Аластера заключалась лишь в том, что тот доверял своей жене. – Ты не в ответе за все совершенное Маргарет. Ты неповинен!

Улыбка Аластера стала шире, превратившись в карикатурно веселую ухмылку.

– Конечно, она одурачила меня. Но я сам виноват. Я доверял ей секреты, которыми она делилась со своими любовниками, из-за чего мы дважды проиграли выборы. Впрочем, кто знает, возможно, были и другие потери. Маргарет питала слабость к русским, если помнишь. Так скажи мне, Майкл, неужели ты и вправду веришь, что меня не забросают грязью?

Майкл закусил губу. Да, будет нелегко. Разразится скандал.

– Но у тебя есть друзья, союзники...

– Не важно. Что сделано, то сделано. – Аластер небрежно щелкнул пальцем по газетной странице. – Я советую тебе обратить внимание на дочь лорда Суонси. Ее мать – воплощение благопристойности, а девушка, как уверяют, красива и хорошо воспитана. Если мне доложат, что тебя видели у них на балу в будущую пятницу, я расценю это как знак согласия с твоей стороны.

В комнате повисла тишина. Майкл не мог согласиться на это безумие. Ни за что. Но бездействовать было нельзя. Аластера следовало остановить.

– Я пойду на бал, – ответил он, хотя каждое слово давалось ему с великим трудом, в горло будто забился песок. – Но у меня встречное условие – ты должен пойти со мной.

– Нет. Мои требования не обсуждаются.

– Тогда выйдем из дома вместе прямо сейчас, на свежий воздух, и я поеду на бал.

– Увы. – Аластер дернул плечом.

Майкл потерял терпение. Бросившись вперед, он схватил брата за локоть.

– Ты выйдешь отсюда!

Аластер сделал попытку вырваться.

– Убери руки...

Усилив хватку, Майкл потащил упирающегося брата к двери. Аластер вырывался, осыпая Майкла проклятиями и царапаясь. Однако долгие месяцы затворничества не прибавили ему сил. Обхватив брата за плечи, Майкл тянул его за собой. Мало-помалу они продвигались к дверям.

Вдруг тяжелый кулак обрушился на его подбородок. Майкл пошатнулся, не выпуская из пальцев лацкан сюртука Аластера. Послышался треск разрываемой ткани.

Последовал новый удар.

Майкл невольно отступил, схватившись за глаз. Покачнувшись, он с трудом удержал равновесие.

– Уходи, – глухо произнес Аластер.

– Браво, – проговорил Майкл онемевшими губами. – Ты истинный сын своего отца.

Эти беспощадно правдивые слова отозвались судорогой в его теле. Желудок стянуло в тугую узел. На мгновение Майклу показалось, что его стошнит. Он с усилием сплотнул.

Нет. Аластер вовсе не похож на отца. Это временное помрачение, болезнь. Ее можно излечить. Нужно излечить. Должно быть какое-то средство.

Аластер вернулся к столу. Звякнул стакан, зажурчал бренди.

Майкл тяжело перевел дыхание.

– Выслушай меня. Я не позволю...

– Тебе не надоели собственные разглагольствования? – язвительно поинтересовался Аластер, лениво растягивая слова. – Прибереги пустые угрозы для кого-нибудь другого. Для глупца, готового поверить, будто у тебя хватит духу их выполнить.

Майкл с шумом втянул воздух.

– Тут ты ошибаешься. Статья в газете дает мне власть.

Герцог резко повернулся к брату. Майкл шагнул вперед. Жестокое упрямство Аластера всколыхнуло темную волну гнева в его душе.

Отныне никто не посмеет ударить его. Никогда. Он поклялся себе в этом еще мальчишкой, когда впервые покинул владения отца, поступив в школу и найдя там убежище. Теперь Майкл был готов отразить удар брата. Аластер больше не застанет его врасплох, не одержит над ним верх.

– Больница – залог твоей репутации. Броская реклама проводимой тобой политики. Приближаются выборы. Скажи, как ты будешь выглядеть в глазах света, когда станет известно, что уничтожение больницы – твоих рук дело? Имей в виду, я лично напишу во все газеты, чтобы рассказать, какую роль ты в этом сыграл. Моя больница, надежды твоей партии и наше с тобой положение в обществе рухнут в одночасье. Ты снова станешь причиной провала своей партии на выборах.

Усмешка сошла с лица Аластера.

– Весьма впечатляюще, – заметил он. – Но прости, тебе не удалось меня убедить. Видишь ли, я думаю о твоих драгоценных больных. В конце концов ты сдашься, если не ради себя, то ради них.

– Так испытай меня. – На сей раз Майкл не шутил. Он больше не собирался потворствовать безумию брата. Семь месяцев агонии... ему давно следовало положить этому конец. Аластер зашел слишком далеко. – Что ж, возможно, если я расскажу все газетчикам, тебе станет легче. Ты прекратишь наконец терзаться ожиданием, когда откроется правда о Маргарет. Ты задолго до этого лишишься доброго имени, а вместе с ним и доверия своей партии.

Аластер с грохотом поставил стакан на стол.

– Убирайся. Освободи квартиру на Брук-стрит от своих вещей, а не то я велю это сделать за тебя.

– Есть идея получше. Я покину Лондон. А ты поступай как знаешь, закрывай больницу. Устрой публике красочный спектакль. Меня не будет здесь, чтобы насладиться им.

По лицу Аластера пробежала тень, рот скривился в жестокой усмешке.

– О, ты будешь здесь. Куда ты денешься? Я лишу тебя всего. Ты не получишь от меня ни пенни.

– Иди к дьяволу. – Повернувшись, Майкл направился к двери.

– Впрочем... забавно будет посмотреть, как ты попытаешься спрятаться. Я даю тебе три недели. Возможно, четыре. Ты не представляешь, что значит пробивать себе дорогу в жизни без моего влияния. Признайся, ты ведь понятия не имеешь, что делать дальше.

Эти язвительные слова, подобно раскаленному копыю, пронзили грудь Майкла, ранив его гордость. Он замер, взявшись за дверную ручку. Эта комната... Он всегда ненавидел отцовский кабинет. Покойный герцог проводил здесь немало времени, располагаясь со всеми удобствами. Полновластный хозяин дома. Безжалостный тиран.

– Я не марионетка в твоих руках, – ответил Майкл. – И я отказываюсь плясать под твою дудку. Не только ради себя, Аластер, но и ради тебя.

Он вышел из дома, громко хлопнув дверью. Этот резкий звук отозвался в его груди раздирающей болью.

Да, он покинет город ради Аластера. И не вернется, пока тот не оставит свой унылый, заброшенный дом, чтобы пуститься на поиски брата.

Глава 1

Босбри, Корнуолл, июнь 1885 года

Пьяная похрапывала, лежа в его розовых кустах. Лицо ее казалось до странности знакомым, хотя едва ли Майкл встречал ее прежде – такую красавицу он не забыл бы. Бело-снежная кожа, длинные, вьющиеся каштановые волосы... Пожалуй, он никогда не встречал женщины красивее. Она была одета так, словно побывала на балу.

Майкл остановился, разглядывая спящую. Она была прелестна и в то же время...

«Это ловушка. – Майкл невольно попятился, но тотчас опомнился. – Боже, что за нелепая мысль! Ловушка! Право, мой брат не настолько коварен».

Он откашлялся, прочищая горло.

– Эй, просыпайтесь.

Ответом было молчание.

Майкл сонно потер глаза, чувствуя, что не успел пробудиться окончательно, – это зрелище застало его врасплох. В начале седьмого утра редко встретишь пьяного. А женщина определенно была пьяна. Едва ли это цветы источали резкий запах виски.

Она вздрогнула во сне и захрапела громче. Ее раскатистый храп ничуть не походил на тихое посапывание или кошачье урчание. Неужели это хрупкое на вид создание способно так оглушительно храпеть? Как ей вообще удастся дышать в таком тесном корсете?

Майкл нахмурился. Будь проклята эта мода! Добрая половина его пациенток исцелилась бы, если б избавилась от корсетов.

Спящая красавица всхрапнула, откинув руку в сторону. Кровавая царапина возле локтя явно нуждалась в перевязке.

Шагнув вперед, он схватил женщину за запястья. На ней была лишь одна перчатка, длинная, до локтя, из тонкого кружева. Вторая, наверное, потерялась.

Майкла охватило недоброе предчувствие, холодок прокрался по спине к затылку. Нелепые опасения. Должно быть, красотка сглупила и выпила лишнего, а затем неизвестно зачем поплелась вниз по холму из Хэвилленд-Холла. Быть может, в поисках уборной.

Подхватив ее на руки, он недовольно хмыкнул: на вид девушка казалась более легкой.

– Мм... – пробормотала она, склонив голову Майклу на плечо. Он почувствовал, как по рубашке расплывается влажное пятно ее слюны.

У него вырвался короткий смешок. Похоже, женщины находят его неотразимым! Толкнув ногой садовую калитку, он подошел к дому и протиснулся в дверь.

– Боже милостивый! – послышалось из глубины коридора. В холле показалась ошеломленная миссис Браун. – Да это миссис Чаддерли!

Так эта тряпичная кукла у него на руках замужем? Кем нужно быть, чтобы позволить своей жене бродить по окрестностям в подобном состоянии? Вдобавок такой женщине...

Майкл отогнал прочь мысли, которые назойливо лезли ему в голову. До сих пор ему неплохо удавалось не обращать пристального внимания на саму женщину, с чем он мысленно себя поздравил. Потерянная перчатка, дорогое платье, возможно, настоящие драгоценности, тугая шнуровка – все эти мелочи занимали его больше, нежели ощущение близости ее восхитительного тела с роскошными формами. Тела, которое он сжимал в объятиях.

Никаких женщин. Пока брат не излечится от своего безумия. Майкл не настолько глуп, чтобы дать ему себя обмануть. Аластеру придется самому позаботиться о потомстве.

Он негромко откашлялся.

– Вы говорите, имя этой дамы – миссис Чаддерли? Что ж, в таком случае пошлите за ее мужем. – Он направился в глубь холла. Шорох накрахмаленных юбок возвещал, что экономка следует за ним.

– О, у нее нет мужа, – отозвалась миссис Браун. Голос ее звучал сурово, совсем как в тех случаях, когда ей доводилось обнаружить пыль на каминной полке. – Разве вы не читаете газет, сэр? Она вдова, причем репутация у нее самая скверная!

Это замечание пробудило в нем необычайный интерес. «Вдова с дурной репутацией. Стало быть, легкая добыча, дичь, на которую разрешена охота», – Майкл всегда отдавал предпочтение вдовушкам...

Если за миссис Чаддерли утвердилось дурная слава, возможно, в этом виновата она сама. Женщина, которая проводит ночь в чужом саду, пуская слюни на свои бриллианты, определенно напрашивается на неприятности. Должно быть, ей нравится бросать вызов судьбе.

Майкл зашагал вверх по лестнице. Ступени под ногами жалобно завизжали, словно беспомощные зверьки в руках мучителя. «Надо бы починить лестницу», – подумалось ему.

Какой вздор! Он не задержится здесь надолго. Вдобавок его скромный бюджет не выдержит подобных роскошеств, о чем неустанно твердит миссис Браун. Майкл снял этот дом – пять комнат и крошечный сад – в аренду на полгода. Его скудных средств не хватило на большее. Но полгода – изрядный срок. Аластер, выведенный из себя долгим отсутствием брата, потеряет терпение гораздо раньше и, покинув мрачный отцовский дом, отправится на поиски.

А до тех пор Майкл затаится в Босбри – лучше убежища не найти. Единственный врач во всей округе, человек немолодой, старше семидесяти, рад был встретить помощника. Вдобавок в этой части Корнуолла Майкла никто не знал. Аластеру нелегко будет отыскать брата. Придется герцогу смирить свою проклятую гордость и нарушить затворничество.

«Я даю тебе четыре недели», – заявил Аластер. Надменный негодяй! Майкл надеялся, что брат насладится сполна собственным самодурством.

Он положил миссис Чаддерли на кровать в передней комнате. Она спала глубоким, непробудным сном, и это немного встревожило Майкла. Он пощупал пульс у нее на шее. Кожа женщины была немного липкой от зелья, бродившего в крови, но сердце билось ровно, уверенно.

Казалось, ее верхняя губа нарисована рукой художника, так изящно она была очерчена. А нижняя... полная и сочная, наводила на мысли о спелой ягоде. Интересно, какого цвета у нее глаза?

Темные, как и волосы, решил Майкл. Карие, словно парижский шоколад. Горьковато-сладкий.

Майкл невольно попятился, эти мысли забавляли и пугали его. В Лондоне всегда находились женщины, готовые его развлечь. Но здесь, в деревенской глуши, он многое узнал о себе. К примеру, воздержание превратило его в скверного поэта.

– Она слишком хорошенькая для порядочной женщины, – проворчала миссис Браун. Обернувшись, Майкл успел заметить встревоженный взгляд экономки, которая тотчас поспешила отвести глаза. «Должно быть, я слишком жадно разглядывал миссис Чаддерли, – решил он. – Наверное, подобное происходит со всяким, кто видит эту вдовушку». Новое замечание экономки подтвердило его догадку. – Фотографии этой особы продают за деньги. – Поджатые губы миссис Браун ясно выразили ее отношение к упомянутому факту. – Ими полны все городские лавки. Она... как это говорится... профессиональная красавица, вот как ее называют.

– В самом деле? – Так это та самая миссис Чаддерли. Майкл слышал о ней. Она часто бывала в обществе виконта Санберна и его друзей, компании весьма фривольной. Майкл

когда-то учился в школе с Санберном, но в последующие годы пути их не пересекались. Даже остро нуждаясь в средствах, он не стал бы обращаться к человеку подобного сорта. Вдобавок виконт не вызывал у него ни малейшего интереса. Майкл не любил распутников и шальных сумасбродов.

Хотя для этой дамы он, возможно, сделал бы исключение. Спящая, она казалась феей из волшебной сказки, ее длинные каштановые волосы наводили на мысль о пленительных силках, обвивающих руки любовника, а слегка приоткрытые розовые губы так и манили к поцелую. Эта женщина была не просто красива, она опьяняла.

Майкл снова с трудом заставил себя отвести взгляд.

– Цвет лица у нее здоровый. – Пожирать глазами даму, которая даже не проснулась, – признак дурного тона.

За окном над деревьями виднелись башенки усадьбы, из которой забрела к нему миссис Чаддерли. Замок Спящей красавицы. Этот дом с развевающимися флагами на башнях и вдовьей площадкой² на крыше и впрямь напоминал маленький замок. Архитектурная безвкусица, несуразное, аляповатое сооружение вместо почтенной старой усадьбы.

Майкл усмехнулся своим мыслям: не слишком ли он взыскателен для деревенского лекаря?

– Вам принести докторский саквояж? – спросила миссис Браун.

– Да, пожалуйста. Думаю, у этой дамы царапины повсюду. – Повсюду. Во рту у Майкла пересохло, и это его не на шутку встревожило. – У нее исцарапаны руки, – хмуро добавил он, чтобы внести ясность. Остальные царапины пускай врачует мистер Моррис. Обитатели Хэвилленд-Холла обычно прибегали к услугам этого доктора. Майкл с радостью уступил ему состоятельных пациентов. Пока что он предпочитал держаться как можно дальше от того круга, к которому принадлежал Аластер.

Голова болела нещадно.

Лиза не открывала глаз, хотя забытие с безжалостной стремительностью отступало, оставляя чувство, будто ее одеревеневший мозг скребут ржавым ножом.

Память возвращалась куда медленнее. Лиза задержала дыхание и напряженно замерла, сию секунду вспомнить события минувшей ночи, за которые приходилось расплачиваться столь жестоким похмельем. Должно быть, случилось нечто ужасное, унижительное. Эта адская боль тянула на две бутылки, а она не стала бы выпивать две бутылки без крайней нужды. Дурное предчувствие заставило Лизу сжаться, подкрадывался страх, готовый запустить в нее свои когти.

– Доброе утро, – послышался чей-то голос. Приятный голос, не настолько громкий, чтобы отозваться болью в ее голове, чуть хрипловатый, низкий мужской голос... показавшийся Лизе незнакомым.

Она открыла глаза, и у нее перехватило дыхание. Склонившийся над ней мужчина походил на изголодавшегося волка: впалые щеки, темные волосы, горящие глаза. Его хищный рот растянулся в ленивой, жутковатой усмешке.

Лизу охватил ужас. Мужчина был в рубашке, без сюртука. Лиза понятия не имела, кто он такой.

– Спящая красавица просыпается, – пробормотал он, а затем улыбка исчезла, словно эти слова вызвали у него досаду. Без улыбки его худое лицо выглядело суровым. У незнакомца были острые, резко очерченные скулы и нос, подобный носу корабля.

² Огороженная площадка на крыше прибрежного дома. С такой площадки хорошо просматривалось море, и можно было издалека разглядеть возвращающееся судно, которое часто везло скорбную весть жене моряка о его гибели, – отсюда название.

Лиза судорожно сглотнула, чувствуя мучительную жажду. Во рту пересохло, как в пустыне. Кто этот человек?

– У вас не найдется воды? – прошептала она.

Мужчина кивнул и отвернулся. Лиза осторожно приподнялась, опираясь на локоть. Лишь тогда она заметила высокую тучную женщину, стоявшую в дверях. Экономку, судя по кольцу с ключами, висевшему у нее на поясе. Женщина казалась смутно знакомой – должно быть, это одна из деревенских кумушек. Знакомым был и косой взгляд, который экономка бросила в сторону Лизы, перед тем как покинуть комнату. В нем читалось осуждение.

Что ж, выходит, дурная слава миссис Чаддерли опередила ее. Одно не вызывало сомнений: здесь царил дух благопристойности и строгой морали. Об этом весьма красноречиво свидетельствовал негодующий взгляд экономки, так что волк в мужском обличье едва ли представлял угрозу. Мужчины с порочными наклонностями не нанимают степенных пожилых женщин.

Великий Боже, как же раскалывается голова! И почему она никак не может вспомнить...

Мужчина вновь повернулся к ней. Лиза вымученно улыбнулась. Незнакомец не сделал попытки приблизиться, заняв место в дверях, где прежде стояла экономка. На лице его промелькнуло настороженное выражение, Лизе показалось, будто он опасается подходить ближе.

Однако, присмотревшись к нему, Лиза отмела эту мысль. Едва ли он испытывал робость перед женщинами. Его высокая фигура с узкими бедрами и широкими плечами заполняла дверной проем. Ввалившиеся щеки говорили, быть может, об истощении или о недавно перенесенной болезни. Но сытный, обильный стол очень скоро исправил бы этот изъян. Лиза обвела глазами сильное, мускулистое тело незнакомца. В кругу политиков, где она вращалась, подобные атлеты встречались крайне редко.

Увы, должно быть, у лакеев тоже бывают точеные лица и тщеславие, принимаемое за природное достоинство. Роскошные каштановые волосы этого мужчины, густые, блестящие и наверняка мягкие на ощупь, выглядели всклокоченными, как будто он часто их ерошил. Костюм его, в котором не доставало сюртука, отличался подчеркнутой простотой. Жилет и брюки приглушенно-серого цвета казались немного великоватыми.

Завершив осмотр, Лиза вновь заглянула незнакомцу в глаза и обнаружила, что тот внимательно наблюдает за ней с непроницаемым выражением лица. Ее сердце почему-то радостно затрепетало. Лизе всегда нравились мужчины сдержанные, волевые, не из тех, что трясутся перед женщиной, лепеча всякую чушь. Она понимала, увлекаться ими не следует, но кто устоит перед искушением бросить вызов судьбе?

Как могло случиться, что она никогда прежде не видела этого мужчину? Он весьма недурен, настоящий красавчик. А может, все дело в его носе?

– Где я, сэр? – Лиза решила, что обратиться так будет вежливее, нежели спросить имя мужчины.

– Вблизи Босбри, мадам.

Почтительное обхождение незнакомца развеяло последние страхи Лизы.

– Значит, мы с вами соседи, – проговорила она. Деревня Босбри находилась лишь в часе ходьбы от ее дома.

– Должно быть, так.

Похоже, этот человек неразговорчив. Лиза думала, что знает всех своих соседей. Она обвела любопытным взглядом комнату. На кровати лежало грубое покрывало, сшитое из пестрых лоскутов, плохо сочетавшихся между собой. Натертый до блеска дощатый пол без ковра казался голым. Вдоль стен выстроилась скромная, лишенная украшений ореховая мебель – комод и платяной шкаф, между ними стоял громоздкий сундук. Взгляд Лизы

скользнул по стенам, обтянутым дешевой материей со старомодным рисунком – маленькими букетиками цветов, от которых рябило в глазах.

Нахмурившись, Лиза потерла лоб. Определенно это не одна из соседских усадеб. Как она здесь очутилась? Прошлой ночью...

Нелло уехал!

Ну конечно. Боже праведный, как она могла забыть? Она рассказала Нелло ужасную новость, а тот в ответ выложил свою. Он долго ждал, прежде чем заговорить, – медлил весь день и большую часть ночи, отдавая должное вкусной еде, беззастенчиво пользуясь Лизиним гостеприимством. Воспоминания нахлынули тошнотворной волной, как во время морской болезни.

Лиза так быстро вскочила с постели, что потеряла равновесие. Твердая рука тотчас подхватила ее под локоть и снова усадила. Должно быть, незнакомец подскочил к кровати в один прыжок. Это было исполнено весьма впечатляюще, но Лизу сейчас заботило другое – ее желудок взбунтовался.

– Меня сейчас... – Голос ее прервался.

Проворно опустившись на колени, мужчина пошарил под кроватью и извлек ночной горшок – слава Богу, чистый, пахнущий уксусом. Лиза схватила посудину и прижала к животу, тотчас почувствовав ее холодное прикосновение даже сквозь платье, корсет и белье. Потом она зажмурилась, пытаясь сохранить остатки достоинства.

Нелло ушел. На этот раз навсегда. Она спустила его с лестницы. Как только Нелло узнал о ее денежных затруднениях, он тотчас решил сделать предложение этому ребенку, робкой девочке, неспособной произнести даже собственное имя не запнувшись...

«Да, Элизабет, она невинное дитя. А какую же еще женщину я мог бы взять в жены?»

Он обронил это мимоходом, разглядывая свои ногти. К тому времени Лиза, оскорбленная холодностью и совершенным равнодушием Нелло к ее слезам, уже угадала правду. Ей хватило ума не произнести в ответ слова, готовые сорваться с ее губ: «Разве ты не собирался жениться на мне?»

Лиза прерывисто вздохнула.

– Вам больно?

В тихом голосе незнакомца слышалось участие. Открыв глаза, Лиза поняла причину. По щеке ее скатилась слеза.

Великий Боже, не хватало только разыграть тут драму! Какое унижение! Вытерев щеку, Лиза с досадой почувствовала, как лицо заливается краской. Она покачала головой:

– Нет. – «Веселее, Лиза. Плакс никто не любит».

Она вздернула подбородок и улыбнулась. В ответ мужчина нахмурился. Лиза не раз замечала, что мужчины вовсе не стараются производить чарующее впечатление, это бремя несут одни лишь женщины.

«Твои слезы наводят на меня скуку», – сказал Нелло. Как будто Лизина боль должна была его развлечь! Словно не он полгода назад умолял ее выйти за него замуж!

Незнакомец ждал ответа. Лиза глубоко вздохнула.

– Простите, сэр. – Улыбка не желала держаться на ее губах, норовя соскользнуть. – Мне страшно неловко, ведь мы соседи, но, боюсь, я не знаю вашего имени.

Лиза никогда прежде не видела таких поразительных глаз – дымчато-серых, с золотистыми искорками вокруг зрачков. Пристальный взгляд мужчины не отрывался от ее лица. Казалось, незнакомец ее оценивает.

– Я новый доктор.

– Новый... – Лиза не знала, что в здешних краях есть еще один доктор, кроме мистера Морриса.

– Майкл Грей, к вашим услугам, – добавил мужчина, заметив ее замешательство.

– А-а. – Лиза снова вытерла глаза, смущенная этим проявлением слабости. Нелло не стоил ее слез. Жалкий лжец! Все его обещания оказались фальшивыми. И все Лизины мечты о будущем тоже обернулись обманом. Но не стоило о них сожалеть. – Что ж, мистер Грей. – Лиза откашлялась, прочищая горло. – Здравствуйте. Как поживаете?

– В настоящий момент я немного встревожен, – невозмутимо заметил доктор. – У вас что-то болит?

– Что? – Почему она сразу не заметила, какие красивые у него глаза? Изумительные. Должно быть, из-за носа – он привлекал внимание прежде всего. – Нет, правда, меня ничто не беспокоит. – У Нелло прямой и тонкий нос, а глаза светло-карие. Цвета свиного навоза.

Темные брови доктора недоверчиво изогнулись.

– Возможно, вы поранились, а я не заметил? Стыдливость здесь неуместна.

Должно быть, доктор еще не успел прослышать о репутации миссис Чаддерли, иначе он не заподозрил бы ее в излишней стыдливости.

– Нет, – отозвалась Лиза, – все хорошо. – Но разумеется, ей не удалось убедить мистера Грея, и Лиза заговорила без околичностей: – Надеюсь, вы не подумаете обо мне плохо, но, признаюсь, я не могу вспомнить, как оказалась... здесь. – «В вашей постели», – прозвучало бы несколько нескромно, решила она.

Доктор и вправду напоминал волка или другого хищного зверя. И благодаря не столько острым скулам или смуглой коже, сколько полнейшему равнодушию, к смущению Лизы.

– Я не знаю, как вы очутились здесь, мадам. Я нашел вас в своем саду, в розовых кустах.

В кустах? Лиза глубоко вздохнула, пытаясь привести в порядок мысли. Боже милостивый, так она заснула под открытым небом? Даже для Лизы это было чересчур.

Мистер Грей продолжал бесстрастно наблюдать за ней. Лиза заставила себя посмотреть ему в глаза, она не будет сидеть, виновато потупившись, как послушная девочка.

– В розовых кустах?! – воскликнула она как ни в чем не бывало. – Весьма оригинально!

Доктор рассмеялся ленивым хрипловатым смехом.

– В самом деле оригинально. Именно это слово и мне пришло на ум.

Этот смех и улыбка... При виде ее у Лизы неожиданно перехватило дыхание. Изумленная, она слегка отодвинулась, а мистер Грей вскинул голову, будто желая лучше разглядеть собеседницу.

Почему-то Лиза не сомневалась, что доктор отлично сознавал, какое действие оказывает его улыбка. Более того, это доставляло ему удовольствие.

Она с трудом сглотнула подступивший к горлу ком. Какая неожиданность.

– Так, значит, вы новый доктор?

– Можете доверить мне свои царапины, – заверил он Лизу с легким поклоном, в котором сквозила издевка. Его низкий бархатный голос придавал невинным словам оттенок фривольности.

Мистер Грей не походил на врача, докторам несвойственно это животное обаяние, эти повадки хищника. Теперь Лиза в полной мере ощущала исходившую от него силу. Казалось, воздух вокруг них накалился, пронизанный электричеством, и в комнате вот-вот засверкают огненные копыта молний.

Этот мужчина... будет шептать ей в постели непристойности, смеясь над ее протестами, и в конце концов сумеет сделать так, что ей это понравится.

Она прерывисто вздохнула. Ночь, проведенная в кустах, определенно сказалась на ее рассудке.

– Надеюсь, розы не слишком пострадали. – Остается лишь уповать, что этот доктор не любитель распускать сплетни.

– Думаю, они выдержат. – Мистер Грей подал ей руку, прикосновение его пальцев заставило Лизу вздрогнуть.

Светлые глаза доктора встретили ее взгляд. В них читалась холодная вежливость. «Возможно, его притягательность не более чем плод моего воображения», – подумалось ей.

– Если вы спуститесь со мной, я мог бы осмотреть ваши царапины.

Лиза поднялась, опираясь на руку мистера Грея. Он был выше Нелло и шире в плечах. А его длинные ноги...

Лиза не сводила с них глаз, следуя за Майклом. Ее слегка пошатывало, и один раз даже пришлось опереться о стену, чтобы не упасть. Брюки доктора могли бы быть и поуже, но, разглядывая его фигуру, Лиза составила самое лестное мнение о его мускулатуре. Нелло превосходно выглядел одетым, а этот мужчина куда лучше смотрелся бы без одежды.

Лиза закусила губу, изумляясь собственным мыслям. Но... к черту сомнения! К черту Нелло, будь он проклят! Нужно развеяться, забыть о своем горе, а этот загадочный сосед, должно быть, человек занятный.

Глава 2

По счастью, мистер Грей оказался холостяком. Об этом красноречиво свидетельствовала его гостиная, маленькая и чистая, но обставленная по-спартански скудно и уныло. Вдобавок женщина ни за что не позволила бы постелить здесь этот кошмарный цветистый ковер, слишком яркий, чтобы быть старым. Чрезмерная толщина и кричащая пестрота его выдавали фабричную работу.

Однако скромность обстановки, должно быть, предполагала некоторые вольности, которых не допускала строго вышколенная прислуга Лизы: шторы были отдернуты, позволяя проникать солнечным лучам. Благодаря этому комната казалась уютной, светлой и милой, несмотря на уродливый ковер.

Избегая солнца, от которого ее нежная кожа могла покрыться веснушками, Лиза выбрала единственный уголок, остававшийся в тени, и опустилась в прелестное широкое кресло, обитое зеленым плюшем, такое мягкое, что, казалось, в нем можно утонуть. По телу, словно вдруг лишившемуся костей, разлилась приятная истома, и если б не корсет, Лиза растворилась бы без остатка в этой сладкой неге.

Мистер Грей, стоя над ней с докторским саквояжем в руках, недовольно нахмурился.

– Вам не следует так туго шнуровать корсет, миссис Чаддерли. Этим вы вредите своему здоровью.

Господи! Какая очаровательная простота! Лиза едва удержалась от смеха. Доктор Грей восхитительно наивен. Ему явно незнакомы веяния лондонской моды. Вдобавок он понятия не имеет, с кем имеет дело. В Лондоне мужчины выстраивались в очередь, чтобы хоть одним глазком взглянуть на Лизу в этом наряде. Можно себе представить, как бы они встретили заявление, будто ей следует раздаться в талии на пять дюймов.

Мистер Грей поставил саквояж на пол и, опустившись на колени перед креслом, принялся закатывать рукава рубашки. Лиза изумленно округлила глаза. Какая неотесанность! Этот доктор настоящий дикарь. Однако при виде его обнаженных рук у нее пересохло во рту.

Ее взгляд задержался на широких запястьях доктора, покрытых редкими волосками. Казалось, его руки состоят из одних лишь мускулов. Взяв рулон кисеи, доктор отмотал кусок; на руках его обозначились вены.

Восхитительный дикарь! Лизе захотелось провести кончиками пальцев по голубоватым венам на его руках. Наверняка эти руки не такие твердые, как кажутся.

Ладони Лизы невольно сжались в кулачки. Не в ее привычках обижать невинных деревенских лекарей. Бедняга, чего доброго, впадет в меланхолию.

– Похоже, сегодня чудесный день, – проговорила она.

– Верно.

Лиза тихонько вскрикнула, когда доктор, неожиданно сжав ее руки, распрямил их, чтобы осмотреть.

– Вам не больно? – спросил он, вскинув голову.

Мистер Грей говорил самым любезным тоном, но его горячая, сухая, чуть грубоватая ладонь крепко сжимала оголенную руку Лизы.

– Нет, – еле слышно произнесла она. Что, черт возьми, на нее нашло? Реакция была почти звериной.

Усилием воли она заставила себя перевести взгляд на что-то другое. На мерзкий ковер. Но этот маневр не увенчался успехом, поскольку ее внимание тотчас привлекли ноги доктора. Мистер Грей сидел на корточках, и тонкая ткань летних брюк соблазнительно обтягивала бедра.

Его бедра оказались еще более мускулистыми, чем руки.

Лиза слегка качнула головой. Похоже, этот сельский доктор, обычная деревенщина, в действительности – неограниченный алмаз.

– Я не вижу ран, на которые следовало бы наложить швы.

Лиза деланно рассмеялась.

– Рада это слышать. Признаюсь, иглы я терпеть не могу. Моя вышивка привела бы вас в ужас.

– Вот как? Выходит, я похож на труса? Не знал. Придется над этим потрудиться.

– Нет, уверяю вас, – проговорила она. – Моя вышивка отвратительна. Я пытаюсь изобразить простой цветок, а выходит... какая-то бесформенная клякса.

На губах доктора мелькнула улыбка. Не ответив, он вновь склонил темную голову, возвращаясь к прерванному занятию.

Лиза нахмурилась, слегка разочарованная и озадаченная. Возможно, он не решался флиртовать с ней, сознавая свое ничтожное положение... Бедняжка! Его следовало разубедить.

Он снова бесцеремонно повернул ее руку, не спросив разрешения. Лежа в постели с женщиной, станет ли он так же властно распоряжаться ее телом? Повелительно, но без жестокости, не испытывая робости или нерешительности. Он овладел бы ею так же бесстрастно, неспешно. Будто следуя установленному плану.

«Что за нелепые фантазии», – одернула себя Лиза. И в самом деле, это на нее не похоже. Воображать себя в постели с незнакомцем? Какой вздор! Если не считать ее мужа, Нелло был единственным мужчиной...

Воспоминание отозвалось болью в сердце Лизы. «Нет. Не смей думать о нем. Он этого не заслуживает. Подонок, негодяй, свинья!»

Как можно было столь жестоко обмануться? Ведь Лиза не сомневалась, что встретила наконец свою любовь. Она верила в это.

Ей не следовало говорить Нелло о своем бедственном положении. Да и вообще не стоило с ним связываться. Друзья предупреждали, что у него на уме одна корысть. Он слыл повесой, охотником за приданым. Но даже повесам и охотникам за приданым случается влюбиться. Так она твердила себе.

Ей не забыть лица Нелло, когда тот услышал о ее денежных затруднениях... Брезгливое отвращение, презрение. Лиза никогда еще не видела, чтобы выражение лица менялось так резко.

А вдруг Нелло начнет разносить о ней сплетни? Что ей тогда делать? Никого так не презирают в обществе, как вдов, лишенных средств.

– Вы не просто упали в кусты, миссис Чаддерли. Похоже, рухнув на розы, вы катались по земле.

Доктор поднял голову, и благодаря прихотливой игре света серые глаза его сделались темно-голубыми. Лиза завороченно замерла, глядя на него.

Мистер Грей не был красавцем, но лицо его заслуживало изучения. Резко очерченные скулы, изумительные глаза и твердый подбородок с ямочкой.

Лизу охватило странное чувство, похожее на опьянение, такое же сильное, туманящее разум. Она с радостью уступила ему. Это лучше, чем проливать слезы.

– Как неуклюже с моей стороны. Вы уверены, что ваши кусты не погибли? – Она могла бы заменить их чем-нибудь столь же красивым из своей оранжереи. И доставить цветы лично, разумеется.

– О, розы ничуть не пострадали, – ответил доктор. – Вашим рукам досталось куда больше.

– Возможно, – согласилась Лиза, стараясь придать голосу беспечность. – Совершая полуночные эскапады, леди следует надевать перчатки. Какое бесстыдство! Воображаю, что вы обо мне подумали.

Доктор вскинул бровь, но выражение его лица Лиза не смогла разгадать. А может быть, не захотела, поскольку ей тотчас пришло в голову, что он нашел ее в кустах не только бесчувственной, но и пьяной. В сравнении с этим потеря перчаток – сущая ерунда.

От унижения Лизу вновь бросило в жар.

«Доктора нельзя винить за то, что он осуждает твоё поведение».

Ей почудилось, будто она слышит голос матери. Лиза отвернулась к окну. Яркий солнечный свет ослепил ее, но она не отводила глаз, сиюсья проглотить подступивший к горлу ком. «Довольно. Не думай об этом больше».

Маме наверняка Нелло пришлось бы не по вкусу. Но Алан Чаддерли ей нравился, так что ее суждения тоже не всегда заслуживали доверия.

«Как безнадежно я все запутала. Маме бы такое и в страшном сне не приснилось. «Моя золотая девочка, тебя ждет великий успех», – говорила она. Нежная, добрая мама, как же ты заблуждалась. Никто больше не будет смотреть на меня с такой верой».

Эта горькая мысль причинила ей нестерпимую боль. Лиза шумно вздохнула, что привлекло внимание доктора.

– Да, – сказал он, – эта царапина самая глубокая. – Его низкий, бархатистый голос завораживал. Такие сладкие, звучные голоса бывают у прирожденных певцов.

И в самом деле, произношение мистера Грея было слишком хорошо для сельского доктора. Однако угадать по речи его происхождение Лиза не смогла.

– Откуда вы родом, мистер Грей? – «Надо его немного поощрить, пусть он почувствует себя увереннее и забудет об этих царапинах. Неужели он видит во мне только лишь пациентку? Хорошо бы дать ему понять, что я не прочь немного пофлиртовать... Мне необходимо отвлечься».

Доктор смочил оторванный лоскут кисеи в жидкости, принесенной экономкой. От снабдения исходил едкий, почти уксусный запах.

– С севера, – проговорил мистер Грей, и прежде чем Лиза успела задать следующий вопрос, добавил: – Возможно, будет щипать. – Он приложил тряпицу с отваром к длинной царапине возле ее локтя, и Лиза в угоду ему шумно втянула воздух. Разумеется, ей не было больно. Только дуриха переживала бы из-за пустяковой царапины. Но стоило ли удивляться, что доктор считает ее дурочкой?

«Твое недавнее поведение заслуживает самого резкого осуждения».

Лиза закусила губу, чтобы сдержать слезы. Похоже, даже после смерти мама не могла удержаться от язвительных замечаний. Неужели этот ворчливый голос никогда не оставит ее в покое? Казалось, с каждым днем мамины нравоучения звучат все громче.

А что, если набраться смелости и попросить у него капельку виски? Это помогло бы унять головную боль. Виски ведь считается лекарством, разве нет?

– Головная боль пройдет, – заявил мистер Грей, ошеломив Лизу, которая, впрочем, тотчас поймала себя на том, что с болезненной гримасой трет висок. – Пейте побольше жидкости. Лучше всего помогают бульон и чай.

Ох уж эти милые, славные деревенские простофили! Этот мужлан раздает указания с таким важным видом, будто воображает, что она впервые напилась до чертиков. Лишь доброе выражение его глаз удержало Лизу от того, чтобы не рассмеяться ему в лицо. И вправду, стоило ей заглянуть ему в глаза, и на душе у нее стало немного легче.

– Вы благородный человек, – произнесла она. – Истинный джентльмен. – Быть может, настоящие рыцари остались лишь среди людей среднего сословия. Вот почему Лиза так редко встречала их в своем кругу.

Похвала заставила мистера Грея недовольно нахмуриться.

– Я врач, миссис Чаддерли. Я лишь исполнял свой долг.

– Возможно, вам видится это так. – Однако некоторые мужчины, обнаружив ночью в своем саду женщину без сознания...

Она накрыла ладонью пальцы доктора, обхватившие ее локоть. Рука его невольно дрогнула – единственный знак, выдавший его удивление. Костяшки его пальцев казались немного загрубевшими. Неудивительно. Ведь этот человек жил трудами своих рук.

Эта мысль необычайно взволновала Лизу. Какая экзотика! Умелые, ловкие руки. Этот мужчина даже толком не знает, как обращаться с поводьями или с охотничьим ружьем. Жаль, что истинные джентльмены столь редко могут похвастать солидным банковским счетом.

– Спасибо, – произнесла она.

Их глаза встретились, и снова воздух между ними будто сгустился, пронизанный электричеством.

– Не стоит благодарности, – прошептал доктор.

Лиза с жадностью вдохнула аромат его тела, коснувшийся ее ноздрей. Запах мужчины... Крепкого, мускулистого труженика, незнакомого с лондонской модой и не подозревающего о том, что перед ним, возможно, одна из самых прославленных красавиц Англии. Это было нелепо, совершенно абсурдно, но ее вдруг захлестнула волна неизъяснимой нежности. Мистер Грей просто прелесть. Жаль, что она не может взять его на содержание. Забрать с собой в Хэвилленд-Холл, чтобы тот ухаживал за ее царапинами и очаровательно хмурился всякий раз, когда она проснется с головной болью.

Дверь отворилась. Доктор резко отстранился и вскочил на ноги. Если бы они занимались чем-то предосудительным или будь движение мистера Грея не столь грациозным, Лиза сказала бы, что он отпрыгнул назад.

– Превосходно, – обратился он к вошедшей экономке. – Благодарю вас, миссис Браун. – Доктор махнул рукой в сторону чайного столика.

Похоже, он смутился и потому вообразил, будто его прислуге нужно указать, куда поставить поднос с чаем. Чем еще объяснить этот странный жест? Лиза наблюдала за доктором, все больше забавляясь, а тот не сводил глаз с экономки, расставлявшей блюда на столе. Его, несомненно, влекло к Лизе, и это загадочное притяжение приводило его в замешательство.

– Что ж, – пробормотал он, избегая встречаться глазами с обеими женщинами. – Я оставляю вас, чтобы вы могли спокойно выпить чаю, миссис Чаддерли...

Экономка недоуменно уставилась на него.

Лиза поднялась с кресла.

– О нет, – мягко возразила она, видя, что доктор повернулся к двери. – Пожалуйста, оставайтесь. Мне так хочется больше узнать о моем спасителе.

На мгновение ей показалось, что мистер Грей уйдет, оставив без внимания ее слова. Но тут заговорила экономка.

– Сэр? – позвала она изумленным, недоверчивым тоном.

Доктор остановился, расправил плечи. Когда он повернулся, на лице его сияла улыбка, словно Лизин интерес необычайно ему польстил.

– Конечно, – живо отозвался он. Вернувшись к столу, мистер Грей уселся напротив гостьи, продолжая улыбаться фальшивой, натянутой улыбкой.

Он взял свой чай – без сливок, с двумя ложками сахара. Взглянув на Лизу поверх края чашки, он тотчас отвел глаза, словно обжегся.

Щеки Лизы вспыхнули. Ей вдруг пришла в голову безумная мысль. Что, если сказать ему: «Да, я тоже это чувствую. Удивительно, правда?»

Это было бы непростительной ошибкой, ложным шагом, мысленно одернула себя Лиза. Она водила дружбу с герцогами и принцами, ей не пристало якшаться с сельским доктором, пусть у него и красивые руки.

Она нерешительно откашлялась.

– Меня не удивляет, что такой очаровательный мужчина, как вы, родом с севера. – Чуть нахмурившись, доктор посмотрел ей в глаза. Лиза ответила ему самой любезной и ободряющей улыбкой из своего арсенала. – К северу отсюда много чудесных мест. Собственно, почти вся страна, полагаю. Ведь мы на юге, в Корнуолле.

Доктор издал хрипловатый удивленный смешок.

– Это верно.

– Должна ли я угадать, какую часть севера Англии Господь благословил вашим рождением?

– Самую холодную.

Экономка переводила взгляд с доктора на гостью и обратно, словно следила за игрой в теннис. Лиза нисколько ее не осуждала. Немногословные ответы мистера Грея напоминали реплики актера в спектакле. Бедняжка оказался застенчивым!

– Значит, вы перебрались в Корнуолл в поисках тепла.

– На самом деле в поисках мира и покоя. – Взгляд доктора скользнул по телу Лизы и вновь вернулся к ее лицу так быстро, что, возможно, ей это лишь привиделось. Но нет. Кожа ее горела, будто опаленная его взором.

Доктор остро ощущал ее близость, близость женщины, и это ему не нравилось.

Лизу охватило разочарование; свежая рана, нанесенная предательством Нелло, вновь наполнила сердце болью. Она готова бесконечно терпеть робость застенчивого человека, но не брюзгливые нравоучения какого-нибудь ханжи. Лиза поклялась себе в этом на могиле покойного мужа. Никогда больше она не станет извиняться и оправдываться перед мужчиной.

Она наклонилась вперед, расправив плечи и слегка выгнув спину. Хотя ее вечернее платье не подходило для утреннего чая, оно самым выгодным образом подчеркивало грудь.

– Надеюсь, я не слишком грубо нарушила ваш покой.

Доктор устремил на нее долгий пристальный взгляд, от которого Лизу бросило в жар. Ее будто что-то кольнуло, и в следующий миг в животе разлилось приятное тепло.

– Думаю, я скоро приду в себя.

Этот откровенный, оценивающий взгляд не мог принадлежать ханже. У Лизы бешено заколотилось сердце.

– Я должна отблагодарить вас за хлопоты приглашением на ужин. Сегодня вечером, если вы свободны. – В конце концов, это ее долг – оказывать гостеприимство приезжим.

– Увы, – отозвался мистер Грей. – Вечером меня ждут в доме приходского священника.

Лиза озадаченно замолчала. Стоит ли флиртовать с человеком, который по собственной воле водит дружбу с духовными лицами? Чего доброго, он начнет пичкать ее наставлениями, читать мораль.

Но... кто не рискует, тот никогда не одержит победу. Приятное разнообразие, невинное кокетство пойдет ей на пользу.

– Тогда завтра?

Взгляд доктора задержался на ее лице, потом один уголок его рта изогнулся в холодной понимающей улыбке.

– Миссис Чаддерли, думаю, это было бы неразумно. – Лиза растерянно моргнула. Неожиданный ответ доктора можно было истолковать как откровенную дерзость. Похоже, он вообразил, будто стоит ему прийти, и он овладеет ею за десертом. На мгновение у Лизы перехватило дыхание. Улыбка мистера Грея превратилась в широкую ухмылку. – А теперь

я вас шокировал. – Он резким движением поставил чашку на блюдце, будто вынес приговор. Фарфор жалобно звякнул. – Должен сознаться, собеседник из меня никудышный. Мое общество не доставит вам удовольствия. Вот почему я вынужден отклонить ваше приглашение. Мне не хотелось бы разрушить ваше доброе мнение о северянах.

Поднявшись, он, словно в опровержение собственных слов, отвесил поклон, исполненный неподражаемого изящества, что говорило о безупречном воспитании, светском лоске и утонченности манер. Но прежде чем Лиза успела указать ему на это, доктор резко повернулся, бросив через плечо обескураженной гостье:

– Миссис Браун проводит вас, сударыня.

С этими словами он ушел, оставив Лизу раздумывать, следует ли ей счесть себя жестоко оскорбленной или принять вызов. Ни один мужчина еще не говорил Лизе «нет», тем более никудышный собеседник, чье общество не доставляет удовольствия.

Глава 3

В холле дробь шагов дворецкого отдавалась эхом от мраморных сводов купола высоко над головой. Определенно таким образом Ронсон выражал хозяйке свое неодобрение. Казалось, ни дворецкий, ни лакей не удивились, увидев госпожу после семичасового отсутствия в испачканной, измятой одежде, без плаща, шляпы и перчаток. Должно быть, они сделали верный вывод, когда Лиза не появилась к завтраку.

– Доброе утро, мадам, – проговорил Ронсон и поклонился, шелкнув каблуками. Голос дворецкого звучал ужасающе вежливо, едва ли не вкрадчиво. Грубоватое лицо его, изрезанное морщинами, которые становились глубже, стоило ему нахмуриться, застыло, словно вырубленная топором деревянная маска. Милый Ронсон осуждал свою госпожу. – Я вижу, мисс Мейтер не сопровождает вас.

Мейтер? Секретарь?

– Нет, разумеется. – Мейтер обычно исчезала, как только подавали напитки. Прошлый вечер не был исключением.

Лиза взяла письма с подноса, почтительно поданного лакеем. Десяток конвертов, в большинстве своем – приглашения, пересланные из Лондона. Лиза оставила свой городской дом три недели назад, после злополучной встречи с поверенными. Кредиторы буквально осаждали ее. Они будто сговорились. Крах наступил пугающе неожиданно, и первым лихорадочным побуждением Лизы было немедленно бежать. Укрыться от опасности. Спрятаться и подготовиться к борьбе.

Теперь у нее появилась новая причина задержаться в Корнуолле. Лондонский свет с жадным любопытством станет наблюдать, как Нелло у нее под носом ухаживает за богатой наследницей. На Лизу посыплется град насмешек. Нет, ей нельзя возвращаться в столицу. Она проведет лето в деревне.

Лиза откашлялась и сделала глубокий вдох, пытаясь прогнать нахлынувшее чувство одиночества. Это не имеет значения. Пусть девчонка забирает себе Нелло. Лиза знает, чего стоят его клятвы. О, вначале он не скупился на нежные слова. Нелло обещал ей все – луну, звезды с неба, брак и вечную любовь. Осиротевшей Лизе, недавно похоронившей мать, отчаянно хотелось верить ему.

Но она лишь недавно овдовела и слишком хорошо знала, как недолговечно семейное счастье, чтобы столь поспешно вновь связать себя узами брака. «Дай мне время, – взмолилась она. – Мне нужно лишь немного времени».

Слава Богу, что ей хватило ума повременить! Ведь Нелло двигала отнюдь не любовь, а алчность. Он жаждал лишь денег.

Наверное, ей нужно последовать его примеру.

У Лизы сжалось горло. Разве у нее есть выбор? Ведь речь идет не только о ее благополучии. На карту поставлена судьба всех, кто трудится на ее земле (хотя цены на зерно продолжают падать), всех, кто ей верно служит, да еще детей, чье обучение она оплачивает, вдобавок на ее средства существует церковный приход и деревенская школа...

Как могло случиться, что несколько неверных решений так быстро привели Лизу к разорению? Ее бухгалтеры не могли оправиться от изумления. «Неужели ваши поверенные никогда не проверяли денежные вложения вашего покойного мужа?» Между тем поверенные уверяли, будто это обязанность бухгалтеров. Что же до Лизы, ей оставалось лишь проклинать себя за недосмотр. И почему она решила, что подобные дела не требуют ее участия? Но в самом деле, разве она разбирается в ценных бумагах и долговых обязательствах?

Повисло гнетущее молчание. Лиза подняла глаза. Вздернутая бровь Ронсона строго вопрошала.

– Ах да, – пробормотала Лиза. – Вы упомянули Мейтер?

– Совершенно верно, мадам. Когда миссис Халл за завтраком призналась, что не знает, где вы, мисс Мейтер отправилась вас разыскивать.

Лиза вздохнула. Сколько раз она бранила Мейтер, но девица вечно поступает наперекор. Стоит случиться малейшей неприятности, а она уже тут как тут, словно собака, почуявшая кость.

– Жаль, что вы ее не остановили. Уж вы-то знали, что за меня можно не волноваться.

– О, конечно, – учтиво согласился дворецкий. – Следует ли мне отправить слугу на поиски мисс Мейтер?

– Да, скажите ей, что у меня все хорошо. Хотя я...

– Элизабет! – Наверху лестницы показалась женщина. Всплеснув руками, она театральным жестом прижала их к сердцу. Это была Джейн Халл, тоже молодая вдова, недавняя приятельница Лизы. Они познакомились на водах в Баден-Бадене. О, чудесная зима! Тогда Лиза даже не подозревала о грядущих бедствиях.

Прочистив горло, она постаралась придать голосу веселость.

– Доброе утро. – При виде подруги Лиза и вправду воспрянула духом. Джейн казалась парящим в вышине ангелом. Как всегда, она была одета в белое, а ее светлые волосы, не убранные в прическу, свободно ниспадали до талии. Эта девушка – настоящая находка. Приятно будет представить ее знакомым на следующем званом обеде. «Если меня еще будут приглашать, после того как разнесутся слухи». Лиза прогнала от себя эту мысль. – Надеюсь, ты не слишком скучала без меня прошлым вечером.

– Слава Богу, ты благополучно вернулась! – высоким дрожащим голосом отозвалась Джейн.

При этих словах дворецкий насмешливо фыркнул. Лиза с улыбкой обернулась к нему, надеясь увидеть живую гримасу на его лице, но тот успел отвернуться.

Упрямый бульдог. Он чувствует себя обиженным. Какая нелепость, ведь, в конце концов, он всего лишь слуга. Вздернув подбородок, Лиза повернулась спиной к Ронсону.

Джейн сбежала с лестницы и обняла подругу.

– Ты нашла его? – шепнула она Лизе на ухо. Ее щека, прохладная и гладкая, коснулась нежной щеки Лизы. От Джейн исходил надрывающий душу запах безмятежности и благоденствия: аромат розовой воды, мыла и лаванды, которой горничные пересыпают постельное белье.

Внезапно осознав, что сама она благоухает не столь сладко, Лиза отпрянула, вернее, попыталась отстраниться, но Джейн ее не отпустила.

– Пойдем, – позвала она, обнимая подругу за талию и увлекая за собой к лестнице. – Расскажешь мне все. Твоя горничная сказала, что мистер Нелсон уехал. Ты выгнала его? Или... – Голос Джейн осекся, прелестные щечки порозовели. – Ты была с ним всю ночь?

Порой Лизу тревожила манерность Джейн. Жеманство давно уже не в моде.

– Ни то ни другое, – отозвалась она. После бурного объяснения в гостиной Нелло покинул дом. Просто... ушел, даже не оглянувшись. И в душе его ничто не дрогнуло. Что ж, тем хуже для него. Если у Нелло и есть сердце, то, должно быть, оно из камня.

Что же до нее самой, Лиза едва помнила, как очертя голову неслась по парку, петляя между деревьями. Кажется, она немного задержалась возле озера? Да, так и было. Она смотрела на луну и думала о матери, рыдая так горько и безутешно, что даже теперь при воспоминании об этом у нее больно сжалось горло. А потом... она случайно забрела в сад мистера Грея.

По спине у нее пробежал озноб. Иногда Лиза пугала саму себя.

– Что с тобой? – спросила Джейн, когда они поднялись по лестнице. – У тебя такое выражение лица...

Лиза торопливо заговорила, не желая слышать о выражении своего лица.

– Сказать по правде, я встретила одного мужчину.

Она тотчас пожалела о своих словах. При мысли о докторе ее охватила дрожь, отзвук влечения, которое здесь, в изысканных просторных комнатах ее дома, казалось все более непонятным и смущающим. Деревенский доктор. Кошмарно одетый. С презрением отверг ее приглашение на обед!

– О! – Джейн восторженно захлопала в ладоши. – Расскажи скорее! Кто он? Он уже влюблен в тебя?

Лиза неохотно пожала плечами.

– Думаю, совсем наоборот.

Джейн состроила гримаску.

– Тогда, должно быть, он сделан из глины.

– Или чересчур заносчив, – возразила Лиза. – Слишком много о себе воображает. – Так грубо отвергнуть ее приглашение! – Что же до Нелло, думаю, он сел на последний поезд до Лондона. И скатертью дорога!

– Боже милостивый! – Голубые глаза Джейн изумленно округлились. – Какие страсти!

– Да. – Лиза вдруг почувствовала, как в душе ее поднимается злость против всего мира. – С ним покончено.

– Вижу. – Недоверие, звучавшее в голосе Джейн, больно задело Лизу. – Что ж, должно быть, ты измучена. Тебе надо принять ванну, а потом мы вместе выпьем чаю и... – Джейн выжидающе приподняла брови. – Может, ты расскажешь мне всю историю целиком? О том заносчивом наглеце?

Они вошли в покои Лизы, и Джейн, убрав руку с талии подруги, бросилась к подносу с чаем, дожидавшемуся на столике. Лиза на мгновение ошеломленно застыла. Джейн ждала ее здесь? В личных покоях хозяйки дома?

Джейн вскинула голову.

– Я увидела тебя в окно с галереи. Ты огибала озеро, направляясь к дому. Я решила, что тебе, возможно, захочется выпить чашку чаю... Надеюсь, ты не сердишься?

– О нет, конечно! Как мило с твоей стороны, дорогая, что ты позаботилась обо мне. – Лиза подошла к чайному столику и села возле окна, из которого открывался вид на парк и окрестные луга. В ясные дни можно было разглядеть и побережье.

Лиза устремила взгляд вдаль и вздохнула. Быть может, ей пора отправиться в морское путешествие. Но куда? В Америку? Там полно миллионеров, выбирай любого. Если она и впрямь решится на это, а выбор у нее невелик, американский муж будет не хуже любого другого. Вдобавок из-за океана куда сложнее навести справки о ее финансовом положении. Главное, заставить американца влюбиться в нее прежде, чем он узнает правду.

Как же она сглупила, выложив все Нелло! Если этот негодяй не станет держать рот на замке, она обречена.

– Но скажи-ка мне, – проговорила Джейн, разливая чай, – кто этот загадочный само-надеянный незнакомец, которого ты встретила?

Лиза прочистила горло.

– Всего лишь доктор. Он недавно переехал сюда.

Кивнув, Джейн направилась к туалетному столику и, вынув пробку из хрустального графина, налила немного виски в чашку с горячим чаем.

– Это поможет тебе поправить голову, – проворковала она. – Так твой доктор женат?

– Нет. – Лиза с благодарностью взяла чашку. – Очень тебе признательна, дорогая.

– Сколько ему лет?

– Думаю, за тридцать.

– Ну, тогда он старый. – Джейн пренебрежительно скривила губы, не замечая, что невольно допустила бестактность. Похоже, она не знала, сколько лет ее подруге.

Лиза нахмурилась, не скрывая досады. Джейн вышла замуж в девятнадцать и овдовела в прошлом году, ей едва исполнилось двадцать два. Однако не все мужья уходят из жизни своевременно. Некоторые из них, увы, сохраняют власть над женщиной долгие годы, не проявляя ни малейшего интереса к ней в постели, к ее обществу, к ее желаниям быть другом и собеседницей...

Лизин супруг мало интересовался ею. Он предпочитал бранить и распекать ее по любому поводу. «Ты не должна делать то, ты не должна делать это, какой стыд, это невыносимо вульгарно...» На этот раз она найдет себе мужчину более покладистого и смирного.

Лиза глотнула горячего бодрящего чаю. Без сахара – не потому, что ей так нравилось, но ради тонкой талии. Подражая подруге, Джейн тоже взяла за правило пить чай без сахара, хотя ростом намного превосходила Лизу и была худой, как гончая.

– Да, полагаю, мужчина, которому перевалило за тридцать, и впрямь стар, – подтвердила Лиза, желая испытать себя. «Стара ли я?» Если джентльмен в подобном возрасте считается старым, то его ровесница, женщина тридцати двух лет, должно быть, настоящая древность.

Эта мысль не на шутку встревожила Лизу. Нужно найти мужа как можно скорее, пока не поползли слухи о ее денежных затруднениях, пока ее возраст еще не бросается в глаза.

– Но он хотя бы красив? – не отставала Джейн.

Ее повышенный интерес к доктору казался странным. Лиза тотчас вообразила, как белокурая, голубоглазая Джейн, похожая на фарфоровую куклу, появляется в домике доктора и мгновенно покоряет его своим очаровательным личиком и девически белыми платьями (Лиза заметила, что все они открывали грудь на дюйм ниже, чем предписывала мода).

– Разве это имеет значение? – Деревенские доктора годятся в мужья не больше, чем... мебель.

– Это важно, коль скоро ты намереваешься поставить его на колени, – возразила Джейн. – Если он урод, тебе придется атаковать его ум, ибо он нипочем не поверит, будто ты снизошла до него из-за внешности. Если же он недурен собою, ты можешь кокетством влюбить его в себя, а затем разбить ему сердце!

Лиза, смеясь, отставила чашку.

– О Боже! Какой жестокий расчет! – Однако слова подруги польстили ее тщеславию. Значит, Джейн полагает, будто она еще способна разбивать мужские сердца. – Но разве не лучше будет попросту забыть о нем?

– Но он был груб с тобой, – не согласилась Джейн. – Так скажи мне, он красив или нет?

Лиза задумчиво оглядела подругу. Ее охватило странное чувство, словно она перенеслась на десять лет назад, в прошлое, и видит собственное юное лицо, гладкое, лишенное морщин, оживленное радостью и надеждой, не омраченное сомнениями. Грядущие годы – те десять лет, что безвозвратно потеряны для Лизы, – принесут Джейн Халл блестящий успех. Она, несомненно, научится ценить доброту и, познав горечь поражения, проникнется состраданием к тем, кому посчастливилось меньше, чем ей. Пусть разочарование лучший учитель, оно не будет вечно ей сопутствовать. Джейн красива, прекрасно воспитана, Лиза откроет ей двери в высшее общество – что еще нужно, чтобы найти любовь?

Наверное, подумалось Лизе, похожие чувства она испытывала бы к младшей сестре: радостное ожидание, нетерпение, желание защитить – все разом. Она схватила Джейн за руку, сжала тонкие нежные пальцы.

– Дорогая, ты ведь доверяешь мне, правда?

Джейн недоуменно округлила глаза.

– Конечно, милая Лиза!

– Тогда позволь мне позаботиться о твоём счастье. – Лиза упустила свой последний шанс найти любовь. Но она не допустит, чтобы Джейн постигла та же участь. – А что до доктора, нет, он не красив. И слава Богу, – со смехом добавила она. – Он всего лишь врач. Оставим беднягу в покое!

Джейн казалась немного разочарованной.

– Значит, ты не станешь разбивать ему сердце?

– О, я этого не говорила. – Улыбаясь, Лиза выпустила руку подруги и вновь потянулась за чашкой. От чая с виски в голове у нее и вправду прояснилось. – Это целиком зависит от того, насколько мне будет скучно.

Глава 4

Если бы три месяца назад кто-нибудь сказал Майклу, что вскоре его ближайшим приятелем и постоянным собеседником станет священник, он рассмеялся бы или решил, что близится конец света. Религиозность, как и другие формы трескучей благопристойности, по мнению Майкла, следовало оставить на долю старших сыновей, которые могли позволить себе подобные благородные прихоти. И вот теперь Майкл сидел в деревенском кабачке за кружкой эля с приятелем, носившим круглый воротничок духовного лица.

Лоренс Першелл принадлежал к той редкой породе священнослужителей, которых приводит в церковь вера, а не финансовые соображения. Но Бог занимал мало места в разговорах двух друзей, и в тот день, как обычно, они рассуждали о политике и о спорте. Оба приятеля живо интересовались скачками, и тот факт, что ни один из них не мог позволить себе потворствовать этому увлечению, возможно, лишь подогревал их интерес. Майкл и его товарищ сходились во мнении (которое, не имея склонности к самоубийству, они предпочитали держать при себе), что регби превосходит крикет, поскольку требует от спортсмена большей ловкости и силы. Политические воззрения их тоже совпадали. Оба признавали, что ирландский вопрос требует скорейшего разрешения, и считали наилучшим выходом – предоставить этому народу независимость. Вместе с тем, однако, приятели весьма одобрительно отзывались об армии.

– Военная служба была моим вторым призванием, – сознался Першелл, когда друзья вышли из кабачка на яркий солнечный свет. – В четырнадцать лет я твердо верил, что когда-нибудь стану генералом.

– Помнится, и я в этом возрасте мечтал о том же, – откликнулся Майкл. Ничто так не радует мальчишку, растущего с мечтой о мести, как надежда завладеть ружьем. Правда, как верно заметил Аластер, дуэли давным-давно объявили вне закона, а кроме того, бой был бы неравным, поскольку отец Майкла в свое время считался отменным стрелком.

– Что же вас тогда остановило?

Майкл пожал плечами.

– Решил спасти жизни, вместо того чтобы отнимать их. – Вдобавок его попытка вступить в пехотный полк провалилась из-за вмешательства Аластера. Стараниями брата его зачислили в королевскую конную гвардию, но Майкл не пожелал пополнить ряды гвардейцев, чтобы вечно прятаться в тени Букингемского дворца.

Чертовски трудно чего-то добиться в жизни, когда твой брат постоянно норовит купить тебе успех. Все годы обучения в университете Майкл тщетно пытался вырваться из-под чрезмерной опеки брата, приводившей его в ярость. Однако со временем взгляды его изменились. В детстве Аластер заменял брату и отца, и мать, защищая Майкла от худших проявлений родительской неводержанности. Со столь давно укоренившейся привычкой трудно расстаться.

До недавнего времени Майкл охотно позволял брату поступать, как ему вздумается.

– Что ж, думаю, нам обоим здорово повезло, – заключил Першелл. – Если б нас зачислили в армию, мы наверняка умерли бы от дизентерии в первую же неделю. – Майкл рассмеялся, и священник добавил: – Да мне ли жаловаться? Я оказался в деревне самого Господа, надеюсь, вы простите мне это невольное святотатство.

Першелл обвел глазами окрестности. Деревушка Босбри тянулась вдоль пологого известнякового склона. Лавки с яркими фасадами и увитые цветами домики лепились друг к другу по обеим сторонам дороги, ведущей вверх, к вершине Босбри-Хилл, где возвышалась древняя пирамида из камней. По другую сторону холма мощенная булыжником улочка

сбегала вниз, к мосту через речку Кьюби, журчащий стремительный поток, сверкающий в лучах полуденного солнца.

– И впрямь довольно живописно, – пробормотал Майкл. Красота окружающего пейзажа его не трогала, вызывая лишь нетерпение и досаду. Не здесь ему надлежало быть, а с теми, кто от него зависел, кто не мог обойтись без его помощи. Пусть Аластер выделял средства на больницу, но работал в ней Майкл, спасая человеческие жизни, и благодаря его подходам к лечению смертность среди пациентов удалось сократить до рекордно низкого уровня.

Проклятие! Он отчаянно хотел вернуться в Лондон. Деревенский воздух казался ему слишком свежим, а местные жители – чересчур здоровыми, вдобавок время здесь текло нестерпимо медленно и лениво. Майкл хорошо знал своего брата. Он не сомневался, что разгадка тайны его исчезновения живо исцелит Аластера, но ожидание терзало его необычайно.

И будто прочитав его мысли, Першелл произнес:

– От вашего брата нет известий?

Майкл покачал головой. Священник знал его историю в общих чертах: жестокая ссора, непомерные требования, безвыходное положение, необходимость как можно быстрее скрыться от всевидящих глаз влиятельного брата. Чего он не знал, так это сколь велико могущество Аластера.

– Если первый шаг сделаю я, ничего не изменится. Брат явится за мной сам, когда захочет примириться.

Першелл задумчиво вскинул брови.

– Все обстоит так скверно?

Хороший вопрос. Майкл не думал, что Аластер исполнит свои угрозы. Во время скандального развода родителей, когда семейные дразги, взаимные обвинения и громкие разоблачения выплескивались на страницы газет, держа в напряжении жадную до сплетен публику, Аластер был для брата надежной скалой в бушующем море. Весь последний год Майкл всеми силами старался вернуть долг. В конечном счете даже его исчезновение должно было послужить брату на пользу. Разумеется, Аластер в самом скором времени поймет это. Он не предаст доверие, установившееся между братьями.

А если это все же случится...

Майкл легко простил бы грубое вмешательство в его частную жизнь, ведь Аластер действовал из любви к нему. Но, закрыв больницу, брат поступил бы низко и подло.

Пугающая мысль заставила Майкла похолодеть: за это он не смог бы простить Аластера.

– Скажем так, мой брат ведет себя не слишком дружелюбно.

Священник недоверчиво фыркнул.

– А вы?

Улыбнувшись, Майкл хотел было что-то возразить в ответ, как вдруг послышался окрик:

– Мистер Грей!

Протяжный выговор представительницы высшего общества застал его врасплох. Резко остановившись, Майкл обернулся. «Вот я и попался, – промелькнуло у него в голове. – Какая горькая ирония судьбы».

Однако приближалась к нему та самая незваная гостья, что измяла розовый куст в его саду на прошлой неделе. Майкла охватило неловкое чувство. Миссис Чаддерли была завязатой кокеткой, вдобавок чертовски соблазнительной. Неделю назад, разглядывая ее испарянные грязные руки, Майкл испытал непреодолимое желание вылизать их дочиста.

Впрочем, разумеется, это было бы негигиенично. Пришлось ему обработать царапины антисептическим средством.

– Божественное зрелище, – вздохнул Першелл. – Афродита, вышедшая из волн морских.

Майкл с подозрением покосился на приятеля.

– Это божество не годится для вашей церкви. И пристало ли священнику замечать подобные вещи?

Першелл рассмеялся.

– Ну, ведь я еще не умер, мистер Грей.

Миссис Чаддерли плавной походкой направилась к ним.

Майклу тотчас бросилось в глаза, что одета она нелепо, отнюдь не для прогулки по пыльным деревенским улочкам, в изысканное платье цвета спелого персика. За ней торопливо вышагивала высокая рыжеволосая девица, запыхавшаяся и явно рассерженная. В одной руке горничная несла корзинку, а в другой – зонтик от солнца, поднятый высоко над головой ее госпожи. Эту несуразную вещь, слишком тонкую, чтобы защитить от палящих лучей, украшали пышные ленты в тон платью миссис Чаддерли.

Майкл кивнул изнуренной горничной, прежде чем поклониться вдове. Это был булавочный укол, но миссис Чаддерли его заметила: глаза ее сузились, а в следующий миг на губах заиграла широкая улыбка.

Сердце Майкла на мгновение замерло. Проклятие! И почему только вуали нынче не в моде? Неделию назад Майкл вообразил, будто глаза у этой вдовушки такие же темные, как ее волосы, но стоило ей разомкнуть веки, он с изумлением обнаружил, что на самом деле глаза у нее бледно-зеленые, цвета китайского нефрита, поднесенного к свету.

Теперь же, заглянув в них вновь, он испытал настоящее потрясение: красота этих глаз превосходила всякое воображение.

Майкл задержал дыхание, стараясь подавить бурю чувств, поднявшуюся в его душе. Эта женщина никогда не узнает, как жестоко унизила его на прошлой неделе. Каждое ее движение посылало к нему волну благоухающего тепла, от которого его тело становилось твердым как камень. К тому времени как миссис Браун вручила ему проклятую чашку с чаем, у него уже тряслись руки.

Ему и прежде случалось испытывать подобное страстное влечение. Но только не к пациентке. Боже упаси! Деревенская жизнь определенно не пошла ему на пользу.

– Миссис Чаддерли, – заговорил он. – Добрый день.

Вдова любезно ответила на приветствие, после чего, к удивлению Майкла, обратилась к священнику:

– Дичь уже забили?

Налетел легкий ветерок, взметнув кружевной ворот платья миссис Чаддерли и соблазнительно приоткрыв гладкую белую грудь. Майкл до боли стиснул кулак, чтобы отвлечься от неуместных мыслей.

– Да, конечно, – отозвался Першелл. – Я не раз справлялся насчет пирогов. Кухня в Хэвилленд-Холле готовит изысканные угощения для нашей завтрашней благотворительной ярмарки в школе.

Майкл неожиданно понял, что пастор обращается к нему.

– Вот как? – невнятно пробурчал он.

– Да, их пироги с клубникой знамениты на всю округу. И, видит Бог, не случайно!

– Мистер Грей убедился бы в этом сам, если бы принял мое приглашение на обед, – игриво заметила миссис Чаддерли. – Быть может, вам удастся его уговорить?

Майкл почувствовал, что краснеет под вопросительным взглядом Першелла.

– У миссис Чаддерли лучшая кухарка во всем Корнуолле, – заверил священник. – Как раз на прошлой неделе я отведал самого нежного и сочного перепела, какого только пробовал в жизни.

«Превосходно, ничего не скажешь. Теперь и священник уговаривает меня принять приглашение, исход которого предрешен: я попросту съем хозяйку дома». Минувшие несколько ночей Майкл только об этом и думал, представляя, как для начала жадно обхватывает губами сладкие пальчики миссис Чаддерли, один за другим...

– В тот день я приглашала на обед и мистера Грея, – с дразнящей улыбкой проговорила вдова. – Но увы, боюсь, он думает, будто, посидев за моим столом, подвергнет опасности свою бессмертную душу. Быть может, вы, мистер Першелл, дадите совет своему другу, ведь это по вашей части.

– Но я ничего подобного не думаю. – Черт побери, он взял неверный тон, проникновенный и игривый, под стать ее манере. Майкл сделал это непроизвольно, разумеется. Вторым сыновьям со слишком крупными носами остается лишь поднатореть в искусстве обольщения, если они желают пользоваться успехом у женщин. И при обычных обстоятельствах... видит Бог, Майкл приложил бы немало усилий, чтобы завоевать благосклонность этой особы.

Но данные обстоятельства не благоприятствовали ухаживаниям. Нахмурившись, Майкл прочистил горло. Он решительно не понимал ее интереса к нему. Миссис Чаддерли определенно не принадлежала к тому сорту женщин, что обращают внимание на скромных деревенских докторов.

Заметив испытующий взгляд Першелла, Майкл снова поклонился, стараясь из всех сил изобразить равнодушие.

– Мадам, я могу лишь повторить, что опасаюсь навеять на вас скуку, едва ли я способен развлечь и оживить общество. – «Не забывайте, я всего лишь сельский лекарь».

– О, я в этом сомневаюсь, – возразила вдова, насмешливо приподняв брови. Она немного помолчала; затянувшаяся пауза лишь подчеркнула язвительность ее слов. Потом, рассмеявшись, миссис Чаддерли обернулась к служанке, чтобы взять зонтик. – Мейтер, я знаю, у вас есть какие-то дела в городе. Дайте мне корзинку, и я продолжу путь одна.

– Да, мадам, – отозвалась она, вручая корзину хозяйке. Резко повернувшись, Мейтер зашагала прочь.

Ее стремительный уход поразил не одного Майкла.

– Странная девушка, – проговорила вдова вслед служанке. Майкл с легким удивлением заметил, что в голосе ее слышалась скорее усмешка, нежели досада. – Мистер Першелл, я пришлю вам цветы и все остальное завтра к десяти утра.

– Благодарю вас, миссис Чаддерли. Смею надеяться, мы в самом скором времени увидим вас на воскресной службе. Нашим прихожанам так не хватает вашего общества.

– О, – беззаботно откликнулась вдова, – как-нибудь на днях паршивая овца вернется к стаду. Тогда вы сможете обратить грешницу на праведный путь! Мистер Грей, вы не прогуляетесь со мной?

«Чертовски скверная идея», – подумал Майкл, посмотрев на Першелла, но тот так и сиял от удовольствия, словно мальчишка, которого только что ущипнула за щеку самая пышногрудая коровница в деревне. С его стороны помощи ждать не приходилось.

– Возможно, меня дожидаются больные...

– Именно об этом я и хотела с вами поговорить, – встрепелась миссис Чаддерли. – Сынишка Брауардов болен. Уверена, родители с благодарностью выслушают мнение врача.

Майкл прищурился, с подозрением оглядывая вдову. Эта особа дьявольски ловко расставляла сети. Улыбка ее казалась искренней и простодушной. Майкл выглядел бы полным ослом, отказавшись осмотреть мальчика. Более того, как врач он обязан был следовать эти-

ческим принципам. Стремление избежать ловушки и спасти собственную добродетель от посягательств этой опасной кокетки отступало перед необходимостью оказать помощь больному ребенку.

Майкл набрал в грудь побольше воздуха. Сдержанность. Ему придется проявить сдержанность. Добродетель, ему несвойственную. Да еще этот свежий деревенский воздух, будь он неладен!

– Ну конечно, – нехотя сказал он. – Я осматриваю мальчика.

– Прекрасно! – Бесцеремонно сунув корзинку Майклу в руки, вдова поспешила прочь. Струящееся платье придавало ее походке особую легкость. Изящные движения миссис Чаддерли напоминали... танец. Снова налетел ветер, и воспаленному воображению Майкла представилось, будто тонкий шелк обрисовал точеную ножку и округлое бедро.

«Похоже, воздержание убьет меня задолго до появления Аластера», – с тоской заметил он про себя.

У юного Дэниела была легкая лихорадка, но мальчик обнаружил здоровый аппетит, набросившись на корзинку с пирожными миссис Чаддерли, и Майкл искренне заверил его родителей, что больной скоро поправится. Миссис Брауард, женщина на сносях, настояла на чае, и полчаса спустя, опустошив две чашки, Майкл все еще сидел на маленьком стульчике, отчаянно пытаясь поудобнее устроить ноги. Несносная мебель, предназначенная для какого-то коротышки, доставляла ему изрядные мучения.

А может быть, его мучила мысль о том, что вдова медленно, но неуклонно, одно за другим, разрушала все его оборонительные укрепления. Дамы-благотворительницы никогда не вызывали у него особой симпатии: слишком часто их благие намерения перечеркивала нескрываемая неприязнь к объектам их жалости. Однако миссис Чаддерли, похоже, в обществе Брауардов держалась по-домашнему свободно и непринужденно, поэтому за столом царил веселое оживление. Миссис Брауард, придерживая рукой огромный живот, спрашивала, не предложит ли гостя какое-нибудь имя для ребенка. Юная мисс Брауард жадно интересовалась мнением миссис Чаддерли о лондонской моде. Многочисленные детишки тянули вдову за юбки в разные стороны. Наконец послышался треск рвущейся ткани. Миссис Брауард ахнула и принялась отгонять маленьких шалунов, но миссис Чаддерли только рассмеялась.

Вдова посещала Брауардов явно не в первый раз. И не в последний, судя по сердечным приглашениям, которыми напутствовала ее хозяйка, когда гости наконец направились к дверям. Миссис Брауард надеялась вновь увидеть свою благотворительницу вскоре после рождения младенца.

– Что ж, – проговорил Майкл, когда они вышли на деревенскую улочку. Как выяснилось, миссис Чаддерли нравилось общество фермеров. Это лишь добавляло ей привлекательности в глазах Майкла. И тем скорее ему следовало распрощаться с ней. Этого требовали обстоятельства. – Меня ждут другие пациенты. Позвольте проститься с вами.

Миссис Чаддерли, занятая распутыванием лент на зонтике, искоса взглянула на доктора.

– Вы уже убегаете?

– На вашем зонтике столько лент. – Чуть помедлив, Майкл добавил: – Они для чего-то нужны?

Вдова рассмеялась.

– Это красиво. Вот для чего они предназначены.

В таком случае в лентах не было никакого проку. Миссис Чаддерли не нуждалась в украшениях, их с лихвой заменяли ее глаза. Удивительные, бледно-зеленые, чуть раскосые, с приподнятыми к вискам уголками. Майклу невольно вспомнились скульптуры кошек в

египетском крыле Британского музея. Эти умудренные жизнью глаза были, казалось, много старше лица, сохранившего свежесть юности.

Майклу вдруг вспомнились слезы миссис Чаддерли, пролитые неделю назад. Что заставило плакать эту женщину? Что... или кто?

«Это тебя не касается».

– В любом случае нам с вами по пути. Разве мы не можем идти вместе?

Тряхнув зонтиком в последний раз, вдова направилась вниз по дорожке. Разумеется, она не оглянулась, полагая, подобно всякой красавице, что доктор последует за ней.

Дома их и вправду находились в одной стороне. Майкл не сумел выдумать предлог, чтобы вернуться в город, а потому со вздохом отправился следом за вдовой, уподобившись, должно быть, всем прочим мужчинам, встречавшимся ей на пути.

– Кажется, вы близко знакомы с Брауардами, – заметил он, поравнявшись с миссис Чаддерли. Весьма необычно. Большинство землевладельцев пытается отстраниться от своих арендаторов.

– Так и есть, – отозвалась вдова. – Я оплачиваю обучение их старших сыновей. Юноши подают большие надежды. Один учится в Харрингтоне, а другой изучает медицину в Университетском колледже Лондонского университета. Я знаю Мэри и Томаса – супругов Брауард с тех пор, как мы были детьми.

– А-а, так вы выросли в этих местах.

– Я проводила здесь зимы. Разве вы не знали? – Миссис Чаддерли вздохнула. – А я-то воображала, будто в Босбри только и говорят что о моей персоне.

Она горько улыбнулась, будто посмеиваясь над самой собой, что необычайно понравилось Майклу. Благие намерения боролись в нем с привычкой. Привычка одержала верх.

– В это трудно поверить, – галантно заметил он.

Наградой ему был трепет темных ресниц.

– Как любезно с вашей стороны. На самом деле Брауарды приходятся мне родней по матери. Мой отец купил Хэвилленд-Холл, чтобы матушка не слишком тосковала по дому.

Стало быть, отец миссис Чаддерли пошел на мезальянс. Удивительно, что она упоминает об этом мимоходом, как о пустяке, не заслуживающем внимания.

– Понимаю.

Вдова насмешливо изогнула бровь.

– О да, уверена, вы понимаете. Разумеется, не самая блестящая партия для моего отца. Его родные не скрывали досады. Но... – Миссис Чаддерли криво усмехнулась. – Матушка с отцом безумно любили друг друга. В конце концов они покорили даже самых твердых противников их брака из отцовской родни.

Будучи циником, Майкл недоверчиво хмыкнул про себя. Такие истории нравятся доверчивым простакам.

– Выходит, вы состоите в родстве с некоторыми из своих арендаторов. Должно быть, это создает известные трудности.

Голос вдовы прозвучал немного резко:

– Думаю, раздоры возникают, когда землевладелец несправедлив.

Это небрежно оброненное замечание неожиданно уязвило Майкла. Уж не хочет ли она сказать, что его семья несправедливо обходится с людьми? Разумеется, вдова считает его простым доктором, и все же...

– Когда цены на зерно падают, поневоле приходится сокращать расходы. В подобных случаях возникают неизбежные разногласия между землевладельцами и фермерами.

Миссис Чаддерли издала короткий смешок.

– Вы рассуждаете как университетский профессор.

Силы небесные! Он рассуждал в точности как Аластер.

– Боже упаси, сударыня!

– Или... как человек, которому доводилось управлять землей? – Миссис Чаддерли выжидающе замолчала, пытаясь вызвать Майкла на откровенность, но когда тот не ответил, язвительно добавила: – На севере, не иначе.

Вот как? Улыбка Майкла стала шире. Его скрытность определенно досаждала вдове.

– О, да у вас превосходная память. Действительно на севере.

Глаза миссис Чаддерли сузились.

– Похоже, вы меня поддразниваете.

– Быть может, вы и правы. – Заметив, что лицо вдовы залилось краской, а ее восхитительные глаза внимательно его изучают, Майкл почувствовал нелепую мальчишескую радость. Вскинув брови, он задержал взгляд на пылающих щеках спутницы.

В самом деле, для признанной красавицы она на удивление легко выходила из себя. Майкл невольно поймал себя на мысли, что сердить ее – занятие на редкость увлекательное.

– А теперь вы меня разглядываете, – раздраженно бросила вдова.

– Уверен, вам это не внове. Вы привыкли к общему вниманию. Полагаю, разглядывание – едва ли не обязательный ритуал.

Вдовушка и не подумала изобразить смущение, она даже бровью не повела.

– Я ко многому привыкла, – отчеканила она. – Например, к вежливым беседам, которые обычно начинаются с упоминания о месте рождения. Но возможно, подобное изящество манер встречается лишь на юге страны. Надеюсь, вы просветите меня на сей счет.

О, да эта женщина умна. Майкл смутно припоминал рассказы о ее безрассудствах, но не о ее уме. Подобная несправедливость далеко не редкость.

– Это верно, мы, северяне, известные молчуны, грубые дикари. Но, уверяю вас, наши варварские обычаи остались в прошлом со времен покорения пиктов, так что со мной вы в полной безопасности.

– Ах, я вовсе не считаю вас дикарем, – сладко проворковала вдова. – На самом деле вы, кажется, принадлежите к числу высокоразвитых существ – человек, который не любит поговорить о себе. Пожалуй, я никогда раньше не встречала людей, подобных вам!

Майкл рассмеялся. Лишь жалкие остатки здравого смысла сдерживали его язык, готовый развязаться, ибо чутье подсказывало ему, что удержать внимание подобной женщины возможно, только безудержно болтая, не давая ей повода отвернуться.

Боже, она была прекрасна! Интересно, на какие безумства она способна? Майкл на мгновение представил миссис Чаддерли танцующей на столе обнаженной, с одной лишь ниткой черного жемчуга на шее. Увы, это было бы слишком по-парижски, даже для нее.

– Вы находите меня забавной? – с довольной улыбкой спросила вдова.

– Я нахожу вас на удивление стойкой. Не всякая женщина решится разделить общество грубого северянина.

Миссис Чаддерли насмешливо сморщила нос.

– Вы не похожи на того варвара, за которого себя выдаете. Ваше обхождение свидетельствует о хорошем воспитании, а походка выдает многолетние занятия спортом. Должно быть, крикетом?

– Регби, – опрометчиво отозвался Майкл.

– А-а. – В голосе вдовы звучало торжество, и неудивительно. В регби играют в основном ученики привилегированных школ. Но Майкл не собирался так легко сдаваться.

– Обычная игра на севере Англии, – заявил он. – Мистер Першелл тоже играл в нее, будучи мальчишкой.

– О, не сомневаюсь. И все же... я нахожу, что в ваших манерах подозрительно много лоска для дикаря и невежи. С другой стороны, ваш наряд... – Миссис Чаддерли удрученно

покачала головой. – Знаете, у нас в Босбри есть превосходный галантерейщик. Вы только что встретили его жену.

Майкл оглушительно расхохотался, не в силах сдержаться.

– Женщина, которая прямо говорит, что думает! Миссис Чаддерли, если я принадлежу к редкой породе, то вы – тем более.

Она широко улыбнулась.

– В таком случае мы с вами пара хоть куда! Впрочем, вы, как я понимаю, предпочитаете оставаться загадкой, тогда как я – открытая книга.

Майкл чувствовал себя неловко, прибегая ко лжи. Не то чтобы его мучило сознание вины. Он прибегнул к маскараду, выдав себя за скромного мистера Грея, отчасти из-за брата: воспользуйся Майкл своим настоящим именем, по Лондону неизбежно поползли бы слухи, что брат герцога Марвика оставил больницу ради тихой жизни на лоне природы в Корнуолле, и вездесущие газетчики принялись бы докапываться до причин. Он не желал превращать Аластера в мишень для сплетен, разве что брат не оставил бы ему иного выбора. К тому же... дав повод для пересудов, Майкл безрассудно пустил бы в ход свое единственное оружие в этой нелепой игре, затеянной братьями. Это было бы пустым расточительством.

Но благоразумным побуждениям редко сопутствует спокойное расположение духа. Майклу следовало быть в Лондоне. Это какое-то безумие, чистый абсурд!

– Напротив, сударыня, – возразил он. – Я весь перед вами. Таков, каким вы меня видите. Если в моей жизни и есть тайны, то только врачебные. Правда, на прошлой неделе со мной случилось одно загадочное происшествие, но в последующие дни розовые кусты в моем саду принесли мне одно разочарование.

Он ожидал услышать жеманный ответ или даже колкость, подсказанную замешательством. Но миссис Чаддерли удивленно взглянула на него и рассмеялась. У Майкла перехватило дыхание. Он невольно замер, глядя на свою спутницу во все глаза. О, этот смех! Не вежливый сдержанный звук, приглушенный ладонью, который обычно издают светские дамы, а громогласный хохот, лишенный и тени смущения. Эта женщина смеялась, трясясь всем телом, словно трактирная служанка за стойкой бара.

Возможно, в душе она все-таки была парижанкой.

На мгновение Майкл позволил себе допустить подобную вероятность и ощутить ее последствия – жаркий огонь желания, упоительное головокружение. Гулять солнечным днем с прекрасной женщиной, которая смотрела на него так, будто он самая восхитительная загадка из всех, что ей доводилось встречать, и смеялась над оброненной им немудреной шуткой, словно в жизни не слышала ничего забавнее...

Майкл резко одернул себя. Проклятые романтические фантазии не раз навлекали на него неприятности, из которых впоследствии приходилось долго выпутываться. То, что после пятиминутной беседы он принимал за совершенство, оказывалось на поверку лишь красивой маской, за которой скрывался сущий кошмар. Очарование рассеивалось.

Вдобавок миссис Чаддерли ничего о нем не знала. Она дразнила его, кокетничая напропалую, по привычке, в силу характера. Наверняка она вела бы себя точно так же и с самым дремучим крестьянином. Майкл относился к этому с пониманием, более того, с одобрением. Миссис Чаддерли отнюдь не была снобом. Эта женщина жила, срывая цветы удовольствия.

– Вам нужно осмотреть других пациентов? – спросила она. – Если нет, я с радостью покажу вам окрестности.

Проклятие! При других обстоятельствах Майкл не задумываясь принял бы приглашение вдовы и постарался бы ее развлечь.

– По правде говоря...

– Вам принесет немалую выгоду, если вас увидят со мной, – живо добавила миссис Чаддерли. – Это послужит вам лучшей рекомендацией, так и знайте. Вам еще предстоит

убедиться, что люди в здешних местах не доверяют чужакам, как бы ни был чужак сведущ в медицине.

– Я чрезвычайно признателен вам за великодушное предложение, однако...

– Сегодня выдался дивный день, и мне страсть как хочется показать вам одно из моих любимейших мест, – продолжала вдова. Веселая беззаботность в ее голосе неожиданно пробудила в Майкле ту же легкость, живость, желание рассмеяться. Впервые за последние месяцы он вдруг почувствовал себя необычайно юным и с удивлением заметил, что улыбается.

Ну... почему бы не прогуляться с ней? Майкл откровенно скучал. У него не было ни пациентов, ни книг, чтобы занять себя чтением. Поддаться влечению еще не значит пуститься во все тяжкие. А более продолжительное знакомство с вдовой наверняка погасит его пылкий интерес к ней.

Вдобавок обидеть ее отказом было бы неблагоразумно. Если самые именитые жители Босбри начнут порочить его репутацию, это отпугнет всех пациентов. Тогда ему и впрямь придется несладко.

О да, его рассуждения казались вполне здравыми, лишенными тайных мотивов. Майкл закусил губу.

– Хорошо. Если это недалеко.

– Отсюда рукой подать.

Несколько часов спустя, бредя бок о бок, они вышли к цветущему лугу.

– Мои владения начинаются от этой живой изгороди.

Майкл огляделся. С этого места невозможно было увидеть Хэвилленд-Холл, но пейзаж показался ему очаровательным. Лето коснулось полей своим теплым дыханием, над высокой колышущейся травой порхали бабочки.

– Чудесный уголок.

– Больше чем уголок, – отозвалась миссис Чаддерли. – Почти пять тысяч акров. Теперь все они мои.

Слышалась ли грусть в ее голосе, или Майклу это только почудилось?

– Значит, у ваших родителей не было других детей?

– Вы хотите сказать, сыновей? – В ее взгляде мелькнуло лукавство. – Нет, я была единственным ребенком. Моя мать вновь разочаровала отцовское семейство. Но отца это нисколько не заботило. Он страшно меня баловал, почти так же, как маму.

Вот как? Пожалуй, вдова не идеализировала брак своих родителей.

При мысли об этом Майкл ощутил давно забытое чувство, смесь недоверия и смутной тоски. Еще мальчишкой, будучи в гостях у друзей, за обеденным столом или в гостиной перед ужином, он с изумлением наблюдал, как хозяин с хозяйкой обмениваются взглядами или ласково касаются друг друга. Как удивительно и чудесно, должно быть, когда родители счастливы.

– Это была великая любовь, как я понимаю.

– Разумеется! Хотя едва ли меня можно назвать беспристрастной. Думаю, большинство детей обожают своих родителей. – Вдова весело улыбнулась Майклу. – Не сомневаюсь, ваши – тоже само совершенство.

Должно быть, только настоящие счастливицы, баловни судьбы способны сохранить подобную наивность.

– Сказать по правде, меня воспитывал брат. – В сущности, Аластер заменил Майклу и отца, и мать.

Лицо миссис Чаддерли тотчас приняло серьезное выражение.

– Простите, сэр. Как это ужасно.

Вдова вообразила, будто он рос сиротой. Это заблуждение следовало развеять.

– Мои родители были... заняты другим. – Поглощенные беспощадной войной друг с другом, они мало времени уделяли детям, используя сыновей как пешки в игре. – Отца с матерью я почти не видел. Брат заботился... – «Чтобы со мной ничего не случилось и чтобы я не повредился рассудком. Звучит излишне резко». – Брат заботился о моем благополучии.

– Вот как? – Миссис Чаддерли слегка нахмурилась. – Что ж, возможно, вам повезло, кто знает? Я подозреваю, что счастливый брак родителей оказывает дурное влияние на жизнь ребенка.

Должно быть, она хотела пошутить.

– Я бы так не сказал. Счастливый брак – это прекрасно.

– О да, конечно, для самих супругов. Но представьте, какие ожидания он порождает у ребенка! Что каждый может встретить такую же любовь или что мужчина, безумно влюбленный в женщину, никогда ее не разлюбит. Ребенок, воспитанный на подобных волшебных сказках, неизбежно будет обольщаться безумными надеждами.

Откровенность миссис Чаддерли не слишком удивила Майкла. За последние два месяца он обнаружил, что люди нередко поверяют ему свои сокровенные мысли, поскольку видят в нем всего лишь простого сельского доктора, а не знаменитое лондонское светило. Похоже, когда слава не бежит впереди человека, тут-то и появляется на свет искренняя дружба.

– Какой цинизм, – проговорил Майкл. – Вы слишком молоды, чтобы так мудро рассуждать.

Миссис Чаддерли рассмеялась.

– Ваша лесть становится слишком откровенной. Ведь я вдова, в конце концов.

Майкл открыл было рот, чтобы ответить, но осекся. Быть может, это приглашение задать вопрос о браке миссис Чаддерли?

Если так... Боже... Майкла вдруг одолело любопытство, жадное, как нестерпимый голод. Почему она прячется здесь, в деревне? Ведь этой женщине принадлежало сердце Лондона. Ее изображение украшало все столичные витрины, и самое избранное общество бросилось бы к ее ногам, если бы она удостоила его вниманием.

Жаль, что их пути не пересекались прежде. С нею Майклу не пришлось бы ходить окольными путями, добиваясь желаемого. Обычно его связи тянулись не дольше нескольких недель, но эта женщина вполне могла бы стать исключением. Большинство знаменитых лондонских красавиц предпочитали окружать себя ореолом таинственности, жеманно изображая холодность или, напротив, разыгрывая чрезмерную чувственность и превращая каждое свое слово в скрытое приглашение. Что же до миссис Чаддерли, искренность и открытость составляли часть ее очарования. Майкл находил эту удивительную откровенность весьма... необычной и соблазнительной.

В сочетании с безрассудством она послужила бы пикантной приправой к любовным утехам. «Расскажите мне, что вам нравится, – попросил бы он. – Покажите мне».

– Я вас шокировала? – осведомилась вдова.

Ее вопрос показался Майклу забавным. Если бы она только знала, куда завели его дерзостные мысли.

– Нисколько. – «Берегись, старина. Тебе сейчас нельзя поддаваться искушению». А между тем миссис Чаддерли в своем прелестном платье выглядела восхитительно, словно сама фея лета; позади нее простирались зеленые луга, навевая мысли о чистой дружбе, не оскверненной греховными соблазнами. Усилием воли Майкл заставил себя отпустить безразличное замечание: – Если оставить в стороне превратности любви, мне кажется, что вовсе не плохо мысленно представлять свой идеал.

– Вы так думаете? С этим можно поспорить. Вам нравится дискутировать?

– Иногда.

Миссис Чаддерли вздернула подбородок, разглядывая облака в вышине. Наклон головы неожиданно открыл взору несовершенства ее лица – крохотную родинку на скуле и по-детски закругленный кончик носа. Должно быть, фотографии избегали снимать ее в профиль. Любопытная публика никогда не видела ее такой.

Мысль эта странно взволновала Майкла. Сколько еще секретов таила в себе эта женщина? Он невольно поймал себя на том, что пристально приглядывается к ней, стремясь открыть новую тайну. Ее ухо формой не напоминало раковину, мочка была чуть крупновата, чтобы ее можно было уподобить прелестной перламутровой створке, – должно быть, ее растянули тяжелые серьги, которые привыкла носить миссис Чаддерли. Но ее ушки были просто созданы для поцелуев. При виде бледной веснушки у нее на горле Майкл ощутил горячую волну дрожи. Ему страстно хотелось коснуться рыжевато-пятнышка губами и прошептать: «Я нашел тебя». Вдобавок эта белоснежная шея так и умоляла, чтобы он погладил ее. Прежде чем обхватить ладонью затылок миссис Чаддерли и нежно уложить ее в постель...

– Тогда давайте обсудим высказанную вами мысль, – предложила вдова, не подозревая о чувствах, обуревавших Майкла. – Любовь – один из самых опасных идеалов, за которым может гоняться юная девушка. Первый попавшийся мужчина, которому вздумается объявить себя влюбленным, покажется ей долгожданным суженым, и все доводы рассудка окажутся бессильны.

– Возможно. – Майкл говорил неспешно, поскольку разум его боролся с телом, готовым осрамить его перед дамой, словно юнца. Силы небесные! Майкл никогда не одобрял мужчин, посещавших бордели, но если воздержание столь явно угрожает достоинству, взгляды невольно меняются. В эту минуту мысль о публичных женщинах уже не казалась Майклу отталкивающей. – А может быть, надежда встретить свою любовь приведет девушку к счастливому браку, позволив благополучно избежать союза с каким-нибудь повесой и распутником, ищущим в женитьбе отнюдь не романтические чувства.

Его довод прозвучал вполне убедительно, и Майкл улыбнулся, довольный собой.

Склонив голову набок, миссис Чаддерли сухо проговорила:

– Прелестно. Но неужели вы и вправду думаете, будто любовь так легко распознать? Любой мерзавец может говорить о любви так же легко, как об утренних новостях на страницах газет, и даже с большей легкостью, поскольку, на мой взгляд, большинство мерзавцев терпеть не могут читать.

Воодушевление Майкла внезапно иссякло. «Хотелось бы верить, что миссис Чаддерли не принадлежит к породе моралистов», – проворчал он про себя.

– Насколько я понимаю, ваш муж разочаровал вас, сударыня.

Это было слишком грубо. Выражение лица вдовы изменилось, улыбка стала жесткой. Майклу показалось, что миссис Чаддерли мгновенно отдалилась от него, словно между ними выросла стена.

– Но как же я скучна со своими разговорами, – произнесла она. – Я обещала показать вам прелестное местечко, а вместо этого совсем вас заболтала.

Майкл невольно поразился силе своего разочарования. Но горечь тотчас сменилась насмешливой покорностью. В конце концов, миссис Чаддерли искала не поверенного своих сердечных тайн, а молчаливую публику, готовую ее выслушать. Светские дамы не водят дружбу с сельскими докторами.

– Уверен, вы не часто нагоняете скуку на своих собеседников, – любезно возразил Майкл. Миссис Чаддерли ждала от него галантного обхождения, и он с легкостью разыграл роль изящного кавалера.

Улыбка вдовы чуть померкла. Задумчивость чудесным образом преобразила ее лицо. Едва заметные морщинки в уголках глаз, которые она, наверное, не раз с досадой разгляды-

вала в зеркале, придавали человечность ее красоте. Мысль эта пробудила в душе Майкла странное, неожиданное чувство.

Если не муж, то кто же так жестоко разочаровал ее? Подобная грубость непростительна. Майкл сурово нахмурился. Он разбил бы в кровь физиономию этому негодяю. Нет, он сделал бы лучше, обхватил бы ладонями лицо миссис Чаддерли, легко провел пальцем по ее прелестным губам и прошептал бы: «Он вас не стоит». А после показал бы ей, чего она достойна: жадного внимания мужчины, хорошо знающего женское тело и все его пикантные особенности, способного доставить женщине истинное наслаждение...

«Боже, старина, держи себя в руках». Майкл никогда не отрицал, что принадлежит к числу самых безрассудных и страстных мужчин на земле, но шальная фантазия овладела им слишком стремительно. Даже для его необузданного темперамента это было чересчур.

Словно прочитав его мысли, вдова проговорила:

– Мы едва знакомы, мистер Грей. Интересно, почему я чувствую себя с вами так легко и естественно? Мне всегда казалось, что молчание вызывает неловкость. Но только не с вами.

Ей нравилось флиртовать. Это не вызывало сомнений. Дразнить и тотчас отступать, нападать и ретироваться. Обычный маневр завязтой кокетки.

– Полагаю, это комплимент.

– Да. Давайте немного помолчим.

Они пошли дальше, храня молчание. Солнце опустилось чуть ниже, и бледно-голубое небо потемнело, окрасилось сияющей лазурью. Майкл вдруг почувствовал смехотворное желание взять спутницу за руку, сжать ее нежные пальцы, униженные кольцами, ощутить тепло ее кожи. Стиснув руку в кулак, он спрятал ее в карман сюртука, опасаясь, что дерзкая ладонь не послушается и нарушит запрет.

На губах миссис Чаддерли мелькнула улыбка. Вдова наклонила голову, пряча лицо, но это лишь разожгло любопытство Майкла, которому немедленно захотелось узнать, что ее рассмешило. Конечно, страстное увлечение могло настигнуть его в любую минуту; ему случалось влюбиться в женщину, мельком увидев ее в окне поезда, или в дальнем конце балльного зала, или на пристани, куда причалил его корабль. Но любовь умирала так же быстро, стоило женщинам скрыться из виду, или, что того хуже, стоило Майклу узнать их поближе. Женская красота отравляет разум мужчины, и нередко ее союзником выступает страсть. Когда яд проникает в кровь, человек способен на любое безумство. Влечение затмевает ему глаза, и он не замечает других лиц, кроме лица той единственной, что кажется ему самым совершенством.

Но, слава Богу, разум Майкла не был отравлен любовью. С точки зрения статистики представлялось невероятным, чтобы на земле существовала другая женщина с такой же восхитительной, ошеломляюще нежной улыбкой. И Майкл готов был пережить неизбежное разочарование ради удовольствия прижаться губами к этим прелестным губам.

Он вдохнул запах согретой солнцем земли, душистого сена и жимолости. У него вырвался недоверчивый смешок. Никаких женщин, пока Аластер снова не женится? Это чистое безумие. План, обреченный на провал.

Вдова взглянула на Майкла, но не спросила, что его так развеселило.

– Сюда, – сказала она, поворачивая на узкую тропинку, ведущую к проходу в живой изгороди. Дорожка тянулась наискосок через луг и убегала в лес, где солнечные лучи, проникая сквозь сети ветвей, покрывали золотыми блестками ковер из моха и пахучей палой листвы. Путники побрели вниз по пологому склону и вскоре неожиданно вышли на берег озера, прятавшегося в низине.

Раздвинув ветви плакущей ивы, миссис Чаддерли поманила Майкла за собой к самой кромке воды. Отсюда открывался вид на сверкающую гладь окруженного лесом водоема под безоблачным небом.

– Майское озеро, – произнесла она. – Его называют так потому, что оно прекраснее всего в мае, когда цветут деревья. Но даже в июне здесь довольно красиво.

Налетел легкий ветерок и, всколыхнув ветви ивы, шаловливо скользнул листьями по воде, словно пальцами.

– О, – тихо прошептал Майкл. Теперь он знал, почему его спутнице так нравилось это место.

– Да, – так же тихо отозвалась миссис Чаддерли. Ее взгляд, устремленный на Майкла, светился пониманием и... иным чувством. Майкл слишком долго изучал женщин, чтобы ошибиться.

Он не мог больше сопротивляться. Да и зачем? Почему бы не уступить своим желаниям ради... самого себя и своей дамы.

Протянув руку, он взял вдову за локоть. Медленно, будто предупреждая, что она вправе оттолкнуть его. Выбор за ней.

Ее сверкающие глаза смотрели на Майкла, а губы приоткрылись, когда рука его от ее локтя скользнула к запястью. Боже! Ее обнаженная кожа, узкая незащищенная полоска между краем рукава и перчаткой, была нежной как атлас. Майкл ласково погладил ее пальцем. У миссис Чаддерли вырвался тихий возглас, похожий на вздох.

Он притянул ее к себе. Листья ивы взволнованно шептались над водой. Легкий флирт, и ничего более. Два холодных циника сошлись погожим летним днем, чтобы получить мимолетное удовольствие.

Он коснулся губами ее губ, их дыхание смешалось. Никакой поспешности. Они стояли рядом, сблизив головы. Ладонь Майкла двинулась вверх по ее руке, погладила изящное округлое плечо и обхватила спину. Потом медленно скользнула вниз. Дыхание миссис Чаддерли стало прерывистым. Ее тело пробуждалось для него, и Майкл ощутил невольную дрожь, его мышцы напряглись, словно натянутые канаты. Его пальцы заскользили вниз, потом снова вверх по ее гибкой спине, коснулись теплой обнаженной шеи, тяжелого узла волос, прохладного и шелковистого на ощупь.

Глаза ее искрились, словно воды морской лагуны в лучах солнца. Зеленые, как обитель русалок, широко раскрытые, они смотрели на него не отрываясь.

Майкл взял в ладони ее лицо, нежно провел пальцем по атласно-гладкой щеке. Они стояли, почти касаясь друг друга, и Майкла пронзила внезапная мысль, как хорошо подходит ему эта женщина. Превосходно.

Закрыв глаза, он прижался губами к ее губам. Одно касание языка, и губы ее разомкнулись, прохладные и свежие, как вода чистого альпийского родника.

Ладонь Майкла сжала ее талию. Тонкую и изящную, достойную восторженных од на всех языках мира. Он жадно впился в ее рот, отыскав языком ее язык. Вдова покачнулась, пылко отвечая на поцелуй. О, эта женщина знала толк в любовной игре. Моралистки и жеманницы так не целуются. Майкл крепче сжал ее в объятиях, его пальцы нащупали жесткие планки корсета, а ниже восхитительную мягкость. Если миссис Чаддерли и носила нижние юбки, то они были тоньше дуновения ветерка.

О, этот поцелуй уже нельзя было назвать мимолетным. Он был обжигающим, страстным, чувственным. Эту женщину хотелось съесть целиком, жадно проглотить, ощутить ее сладость. Казалось, в ней заключена сама жизнь. Силы небесные, жизнь слишком коротка. Не следует отвергать ее радости. Разве не этому учит нас разумная философия? Наслаждайся, пока можешь, срывай цветы удовольствия. Оставь другим сомнения и раздумья.

Он прикусил ее пухлую нижнюю губу, желая почувствовать солоноватый вкус кожи. Ответом был хриплый возглас. Пальцы Майкла очертили контур ее щеки, коснулись горла. Окончательно потеряв голову, он впился в ее губы с исступленной страстью дикаря. Ее руки сомкнулись у него на талии, вцепились в ткань сюртука. Майкл ответил на этот безмолвный

призыв, осыпав поцелуями лицо миссис Чаддерли. Его терзал голод, который могло утолить лишь прикосновение к ее обнаженной коже. Их тела сплелись в жарком объятии. Майкл готов был зарычать. Проклятая одежда разделяла их. Боже, как благоухала эта женщина! Ее запах опьянял, рождая самые кровожадные желания. Не в силах сдержаться, Майкл приник губами к ее горлу.

– О! – Чуть отстранившись, миссис Чаддерли склонила голову. Майкл замер в ожидании, прерывисто дыша, напряженный, словно натянутая струна. Неужели вдова передумала?

Она не высвободилась из его объятий, но и не потянулась губами к его губам. Майкл шумно перевел дыхание, твердя про себя: «Спокойно, спокойно, старина». Его руки, обнимавшие ее, медленно разжались и покорно повисли.

Почувствовав на своей щеке неровное дыхание миссис Чаддерли, он воспрянул духом. Его обуяла дикарская гордость. Будь у него больше времени, он заставил бы ее задыхаться от желания. Стонать, ловя ртом воздух.

– Бо... же, – прошептала она, невольно разбив слово на слоги, чтобы сделать короткий вдох. – Ваши таланты простираются далеко за пределы медицины.

Майкл рассмеялся медленно, точно пьяный.

– Я был бы рад ознакомить вас с ними более обстоятельно.

Ее дыхание пахло корицей.

– В самом деле?

Она еще спрашивает? Нежные солнечные лучи, ласкавшие его кожу, и тепло женского тела, соблазнительно прильнувшего к нему, избавили Майкла от сомнений. В конце концов, он не святой. Он никогда не отличался добродетелью, монашеское воздержание не для него. Женщины любили его, а он любил женщин. И вот красавица, прекраснее самой Венеры, желала его. Так зачем отвергать ее?

Вдовы вольны флиртовать, сколько им заблагорассудится. Небольшая интрижка не угрожает женитьбой. Мимолетная любовная связь никому не причинит вреда и не помешает планам Майкла.

Аластер ни о чем не узнает.

– Ваше приглашение на ужин еще в силе?

Вдова вскинула голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Ее робкая радостная улыбка была будто создана, чтобы вселить в мужчину смелость.

– Вы должны прийти ко мне на ужин завтра, после ярмарки.

Сжав руку миссис Чаддерли, Майкл поднес ее к губам.

– Мадам, я с радостью повинуюсь.

Глава 5

Благотворительная ярмарка всегда была для Лизы любимым событием года: можно было не волноваться, что порвется платье или что какая-нибудь девица станет кокетничать с Нелло (главным образом потому, что Нелло никогда не посещал подобные увеселения). Но теперь, стоя в дальнем конце холла, Лиза едва не плакала от досады.

Нахмурившись, она снова заглянула за воздушные, розовые с желтым, шифоновые драпировки и обвела глазами зал. Ежегодная ярмарка в пользу прихода привлекла посетителей со всей округи до самого Мэтлока, который отделяло от Босбри полдня езды к северу. Были съедены все пироги и раскуплены все безделушки – подушечки для булавок в виде подсолнухов и батистовые платочки, вязанные носки и искусно расписанные портсигары, расшитые чехлы для стульев и акварели. Малышка Долли Брауард, к величайшему огорчению своей матери, стащила четыре вышитых салфетки, но, пойманная с поличным, вернула их на место. Лотерея собрала огромную толпу в передней части зала.

Ярмарка прошла с большим успехом. Но доктор так и не появился.

Не будь Лиза так раздосадована его отсутствием, она посмеялась бы над собой. Подумать только, она не могла заснуть полночи из-за поцелуя какого-то деревенского врача! Откровенно говоря, Лиза предпочла бы иметь дело с мужчиной, способным оценить, какое счастье ему привалило: миссис Чаддерли не всякого удостаивала своей благосклонностью. Ей нужно было восхищение мистера Грея, именно этого требовало ее уязвленное тщеславие. Вдобавок разве она не заслужила немного удовольствия? Отчего не позволить себе мимолетную невинную забаву, прежде чем приняться за утомительные поиски мужа?

К несчастью, выгодное замужество осталось ее единственной надеждой. Лиза получила новое послание от своих поверенных, на сей раз законники писали вместе с бухгалтерами из «Огилви и Харкорт». Лизе пришлось просить своего управляющего и секретаря растолковать смысл письма, и в конце концов их объединенными усилиями удалось пролить свет на тайну ее несчастья. Неудачные денежные вложения, сделанные ее покойным супругом, падение цен на зерно и, увы, собственные неумеренные расходы привели Лизу к краю пропасти.

Она знала: голод ей не угрожает. Не придется даже продавать свои владения, во всяком случае, пока. Но если случится новое несчастье, с нею самой, с ее друзьями или с кем-то из жителей Босбри, зависящих от нее, если потребуются крупная сумма денег...

Тогда Лизу уже ничто не спасет.

Удивительно, как строки на бумаге могут вызвать чувство, будто земля разверзлась у вас под ногами. Когда-то Лиза воображала, что влюблена в своего покойного супруга, но, осознав, что это не так, она научилась находить удовольствие в роскоши, которой окружал ее муж. Но теперь годы, проведенные с Аланом Чаддерли, казались ей безвозвратно потерянными. А связь с Нелло не принесла Лизе ничего, кроме боли и дурной славы...

В сравнении с этим ложным шагом ее увлечение доктором представлялось почти целомудренным. По крайней мере искренний, откровенный мужской интерес к ней мистера Грея придаст их отношениям прелесть новизны. Мимолетная любовная связь пойдет Лизе только на пользу. Это будет своего рода вакцина, которая укрепит ее, перед тем как она вновь окунется в самую грязь.

– Я несу дары! – В комнату впорхнула Джейн с двумя бокалами в руках. – Смотри, что я нашла!

Лиза рассмеялась, взяв высокий бокал.

– Шампанское? Но откуда?

– Я велела одному из твоих лакеев захватить его, чтобы мы могли отпраздновать спасение прихода. – Джейн чокнулась с подругой бокалом, на губах ее мелькнула озорная усмешка. – Или вызвать возмущение прихожан, если тебе так больше нравится. Боюсь, лимонад оказался слишком слабым.

После первого же глотка Лиза почувствовала, как успокаиваются нервы. Все будет хорошо. Стряпчие заверили ее, что можно не спешить. Время еще есть.

А в следующее мгновение по телу ее разлилась жаркая волна радости: в боковую дверь вошел мистер Грей.

Он явно спешил, его блестящие темные волосы казались взъерошенными. Доктор поправлял перчатки, словно только что надел их. Он здесь! Он все-таки пришел! На этот раз костюм сидел на нем безукоризненно, плотно облекая широкие плечи и узкую талию. Белоснежный галстук на шее эффектно контрастировал с загорелой кожей. Он сложен как викинг, решила Лиза. Его заостренные скулы напоминали изгибы корпуса корабля, а четко очерченные губы женщина могла бы обвести пальцем даже в темноте. Лицо его не отличалось красотой, но обладало дьявольской притягательностью.

Лиза допила шампанское, сердце ее учащенно билось.

– Где бутылка? – спросила она. Предвкушение встречи с доктором всколыхнуло в ней безрассудство. – Мистер Грей мог бы присоединиться к нам.

Джейн проследила за ее взглядом.

– О! Так это тот самый доктор, которого ждут к ужину? Боже милостивый, да я его знаю!

– В самом деле? – Замечание подруги вызвало у Лизы необъяснимую досаду. – Откуда? Джейн нахмурила брови.

– Точно не помню. Его лицо кажется ужасно знакомым, но...

Джейн жаждала знать все обо всех. Передав ей бокал, Лиза направилась в другой конец зала.

Мистер Грей заметил ее приближение. Его искушенные, полные соблазна губы сложились в улыбку. Он невольно расправил плечи и вздернул подбородок, будто желая предстать перед нею во всей красе. Лизе пришло в голову, что, став старше, она будет скучать по тому восхищению, с которым мужчины обычно встречали ее появление. Это немое обожание дарило ей упоительное чувство собственного всемогущества!

Но Лиза вовсе не хотела утверждать свою власть над мистером Греем. Это было бы несправедливо, ведь он всего лишь доктор. Вдобавок ей нравилось его безрассудство, неотделимое от сдержанности, которая так привлекала ее в этом человеке.

– Добрый вечер, мистер Грей! – Лиза остановилась перед ним, подавляя желание пригладить волосы. Маленькая воришка Долли обожала танцевать, после веселой пляски с малюткой Лиза, должно быть, выглядела жутко растрепанной. – А мы боялись, что вы не придете. Приятно вас видеть!

– Миссис Чаддерли. – Грей отвесил поклон, не сводя глаз с ее лица. Лиза поняла наконец, что придавало особое очарование его светлым глазам – черные ресницы, такие густые, что глаза казались подведенными углем. – Прошу простить меня за опоздание, – произнес он, но в глазах его читалось более страстное послание. – Я вышел заблаговременно, но на дороге случилось происшествие, и я задержался, чтобы оказать помощь пострадавшим.

– Боже праведный. – Человек, способный прийти на помощь. Мужчина, который на что-то годится! – Надеюсь, все обошлось? – Голос ее звучал сдавленно, как у юной дебютантки, страдающей от головокружения.

– Да, ничего серьезного, одна вывихнутая лодыжка да пара царапин, не более. – Он бросил взгляд поверх плеча Лизы и снова поклонился. Подошла Джейн в сопровождении одного из лакеев. Лиза представила ей доктора, и девушка приказала налить еще шампан-

ского. – Ярмарка удалась на славу, – равнодушно заметил мистер Грей. Джейн протянула ему бокал, но он покачал головой: – Нет, спасибо, я лучше воздержусь.

Лиза слегка нахмурилась, ведь они с Джейн отмечали успех, и празднование должно было завершиться ужином.

– Миссис Халл, позвольте познакомить вас с мистером Майклом Греем. Он недавно приехал с севера, – добавила она с игривой улыбкой.

Заметив ее усмешку, мистер Грей понимающе улыбнулся в ответ и перевел взгляд на Джейн.

– Очень приятно познакомиться, – отозвался он, но Лиза едва разобрала ответ Джейн.

Ее родители постоянно обменивались безмолвными нежностями и молчаливыми шутками. Ее пронзила внезапная боль, одиночество и смутная тоска сжали ей сердце. Лиза замерла, стараясь удержать застывшую улыбку.

«Ты не любишь его, – произнес голос матери. – Без любви душа пуста».

– Мистер Грей, я уверена, мы с вами прежде встречались, – проворковала Джейн. – У вас поразительно знакомое лицо. И все же я не могу припомнить ни одного Грея. Где вы жили на севере?

– Около шотландской границы.

– Ну надо же, а я из Йорка! У нас с вами наверняка есть общие знакомые. Умоляю, скажите, откуда родом ваша семья?

– Простите меня, миссис Халл, но не думаю, что мы с вами принадлежим к одному кругу. – Он бросил на Лизу быстрый взгляд, лицо его осталось непроницаемым. – Безусловно, я не смог бы забыть столь приятное знакомство.

Джейн расцвела, довольная комплиментом.

– Тем не менее я не сомневаюсь, что какая-то связь между нами все же есть. Мы могли бы обсудить это за ужином. Я слышала, вы присоединитесь к нам?

Разговор неожиданно оборвался, наступила неловкая пауза. Затем мистер Грей обратился к Лизе:

– Могу я поговорить с вами наедине?

Озадаченная Лиза покорно отошла в сторонку вместе с ним. Позади них раздались радостные возгласы – объявили победителей лотереи. Мистер Грей учтиво поддерживал ее под руку, держась до странности официально. Однако стоило им отойти, его пожатие стало нежнее, и прежде чем отвести руку, он незаметно погладил пальцы Лизы. На мгновение у нее перехватило дыхание.

– Я должен вновь извиниться перед вами, – тихо произнес он. – Я не смогу прийти на ужин сегодня вечером.

Лиза ощутила острый укол разочарования, горло болезненно сжалось.

– Но... почему? – О Боже, она заговорила как наивная школьница. – То есть я заказала самые изысканные блюда и... Я так ждала этого дня.

– Я тоже, – уныло отозвался доктор. – Я и вправду... – Он откашлялся и отвернулся. – Ну, вы понимаете.

Нет, она решительно ничего не понимала. Поведение мистера Грея неожиданно изменилось. Проследив за его взглядом, Лиза заметила, что доктор смотрит на Джейн. Сияющая, юная, искрящаяся весельем, она выглядела ослепительно в своем белом платье. Этим вечером ее обнаженная грудь в глубоком вырезе платья уже привлекла внимание нескольких ценителей женской красоты, и не один мужчина с интересом поглядывал на нее, багровея от смущения.

Послав подруге солнечную улыбку, Джейн вопросительно подняла брови. «Что вы там возитесь?»

– Она очень мила. – Собственный голос донесся до Лизы словно издали.

– Что? Ах да. – Мистер Грей казался смущенным. – Ваша гостья, как я понимаю?

– Верно. – Лиза вдруг ощутила себя старой, ей стало неловко за свой простой наряд – скромное платье из серого шелка с вырезом, которым могла бы гордиться шестидесятилетняя матрона. Но Боже милостивый, это же благотворительная ярмарка. В подобных случаях Лиза всегда одевалась подчеркнуто просто, чтобы жители городка не чувствовали себя неуютно рядом с ней. – Должно быть, вас ждет неотложное дело, какая-то важная встреча, не иначе?

Если ее слова и прозвучали язвительно, Лиза ничуть об этом не жалела. Неотложное дело в десять часов вечера в деревушке Босбри, в этой сельской глуши?

– Боюсь, что так. – Мистер Грей чуть нахмурился, встретив ее взгляд, потом смущенно переступил с ноги на ногу, словно провинившийся школьник. – Конечно, я сожалею...

Лиза скривила рот, чтобы сдержать слова, готовые сорваться с губ. «Вы сожалеете, что ошиблись в выборе дамы. Вам следовало поцеловать ту, что помоложе».

И вновь голос матери прозвенел тревожным колоколом в ее мыслях: «Красота увядает, Лиза. Что же тогда у тебя останется?»

Она невольно попятилась. Великий Боже! Неужели это время уже пришло? Если так...

Нет, утром она смотрелась в зеркало. Лиза отлично знала, что жаловаться ей не на что. Она перевела дыхание. Неуверенность ее сменилась гневом. Да кто он такой? Сельский доктор. Никто.

– Хорошо, – сказала она. – Желаю вам приятного вечера, мистер Грей. Думаю, у нас осталось еще несколько вышитых салфеток, если вам захочется поддержать наш маленький приход.

Резко повернувшись, она направилась к лакею. Бутылка с шампанским была еще наполовину полна. Лиза решила, что этого хватит, пока она не доберется до дома.

– Как неучтиво со стороны мистера Грея.

– Я не желаю говорить об этом. – Лиза сидела на террасе, Джейн расположилась в кресле справа от нее, а Мейтер неловко устроилась на кончике стула слева. Высоко в ночном небе луна разливала яркое сияние, пробиваясь сквозь истерзанные, смятые облака. Легкий ветерок, казалось, поверял луне свои тайны, шурша листвой деревьев.

– Ладно, – мгновение спустя согласилась Джейн. – И все же он неблагодарно обошелся с тобой. Ему оказали великую честь, пригласив на ужин!

Мейтер заговорила строго, голосом школьной учительницы:

– Возможно, кто-то внезапно заболел. Мы не должны судить мистера Грея, не располагая верными сведениями.

Джейн презрительно фыркнула.

– Что до меня, я буду судить, как посчитаю нужным! Уверена, Лиза со мной согласится.

Но миссис Чаддерли не собиралась принимать чью-либо сторону. Мейтер и Джейн питали друг к другу весьма забавную неприязнь, и Лиза вовсе не думала их примирять: в деревне так не доставало развлечений.

Взяв в руки бокал, она глотнула бренди. Горло обожгло жаром, палящим летним зноем далекой дикарской страны.

– Мне следовало отправиться в путешествие в этом сезоне, – произнесла она. – Как только завершился последний бал... – Нет, намного раньше. Год назад. Когда умерла мама. – Мне нужно было сесть на корабль и отправиться на край света. – Старый, испытанный способ сэкономить деньги. Повсюду жизнь дешевле, чем в Англии.

– Но это было бы невозможно. – Мейтер потянулась к лампе, стоявшей на маленьком столике, и подкрутила фитиль. Пламя вспыхнуло ярче, его отражение блеснуло в стеклах

очков девушки – два пляшущих огонька вместо глаз. – Разве вы не помните? Вам предстояло отдать так много распоряжений...

– Ты могла бы поплыть в Китай? – лениво протянула Джейн, поднимая руку и рассматривая в свете лампы свои перламутровые ноготки. – Кажется, Китай ужасно далеко отсюда.

– Не знаю. – Лиза ненадолго задумалась. Китай ее не слишком привлекал, эта страна представлялась ей пуритански строгой. – Я читала, что в Китае все привержены порядку. Даже расположение кроватей подчинено у них математической системе.

Джейн захихикала.

– Как забавно. Значит, китаец должен посоветоваться с математиком, прежде чем повернуться на бок и захрапеть?

Лиза заставила себя улыбнуться, ведь Джейн старалась ее развлечь. Гости так обычно и поступают, подобные попытки следует поощрять, даже если они обречены на неудачу. Вдобавок разве Джейн виновата в том, что у Лизы дурное настроение?

Ветер усилился, резкий порыв взметнул шали дам.

– Мадам, – заговорила Мейтер, отводя край шали с подбородка. – Лучше бы вы вошли в дом вместе со мной. Холодный ветер не слишком полезен...

– Похоже, твой секретарь – настоящая старуха, – ехидно заметила Джейн.

– Не намного старше вас, – проворчала Мейтер.

– Ты когда-нибудь видела, Лиза, чтобы Мейтер резвилась лунной ночью? Или ей всегда слишком холодно?

Бросив взгляд на Мейтер, Лиза подавила вздох. Секретарь превосходно справлялась со своими обязанностями, но бурной фантазией и любовью к шалостям не отличалась. Лиза не винила ее в этом, поскольку из редких обмолвок Мейтер заключила, что прежняя жизнь девушки не располагала к веселью. Впрочем, теперь Мейтер получала весьма щедрую плату. И могла бы потратить часть этих денег на уход за собственной внешностью.

Хотя, возможно, ее пугал масштаб задачи, слишком уж многое следовало изменить. Свет лампы выхватывал из темноты пучки всклокоченных рыжих волос, обрамлявших бледное угловатое лицо Мейтер. Очки придавали ей свирепый вид. А ее костюм – мешковатый жакет, перетянутый поясом с огромной пряжкой в форме головы попугая, – подошел бы для какого-нибудь фарса о суфражистках. Мейтер воинственно стиснула зубы, лицо ее приняло упрямое выражение: она не собиралась отвечать на вызов Джейн.

– Ну? – спросила Лиза. – Вам случается резвиться по ночам, Мейтер?

Секретарь угрюмо насупилась. Лиза глотнула бренди, ожидая ответа.

– Наверное, я любила порезвиться, когда была ребенком. – Ядовитый тон секретаря звучал многообещающе. – Но после шестнадцати часов напряженного труда по подготовке благотворительной ярмарки... нет, я по-прежнему полна сил!

Вот, значит, как. Лиза огорченно покачала головой. Какое разочарование! Мейтер выбрала оружием моральное превосходство.

– Постойте! – вскинулась Джейн, излюбленным театральным жестом набросив на плечи индийскую шаль. – Если вы хотели намекнуть, что от меня сегодня не было никакого проку, я решительно возражаю. Разве не я поймала ребенка, стащившего салфетки? Думаю, это кое-чего стоит!

Силы небесные, похоже, ханжество заразительно.

– Милые дамы, – вмешалась Лиза. Наверное, не стоило ожидать, что Мейтер и Джейн смогут отвлечь ее от тягостных мыслей. Джейн гостила в доме Лизы всего несколько недель, а казалось – целую вечность. Господи, как Мейтер уживется с миссис Халл, ведь им предстоит провести бок о бок остаток лета? После того как мистер Грей утратил к Лизе интерес, ее все более удручала перспектива остаться в заточении в деревенской глуши. «Красота увядает». Только бы не упустить время. Допив остатки бренди, она потянулась к колоколь-

чику, чтобы вызвать лакея с новым графином. «Довольно, Элизабет». При жизни матушка не была такой надоедливой. Лиза повертела в руках колокольчик. – Может, мне стоило бы пригласить друзей.

– Прекрасная мысль, – согласилась Мейтер.

– Действительно, почему бы и нет? – Можно составить список, внести в него несколько холостяков, достойных внимания. Конечно, придется их чем-то привлечь, ведь Корнуолл лежит в стороне от тех мест, куда устремляется в августе лондонский свет, желая насладиться охотой. В конце лета все едут на север.

Фи! Лиза не желала думать о севере. Досадливо скривившись, она позвонила в колокольчик.

– Кого ты позовешь? – оживилась Джейн. – Я их знаю?

– Нет, дорогая. – «Но тебе полезно будет подружиться с ними». Именно подружиться, вот что важно. Лиза мысленно взяла себе на заметку включить в число приглашенных нескольких мужчин, не замеченных в пристрастии к блондинкам. У Джейн еще будет возможность найти себе мужа, но при ее молодости с этим можно не торопиться. – Мы пригласим гостей пожить здесь, как это принято. Повод найдется. Разошлем приглашения по меньшей мере на неделю, чтобы оправдать хлопоты и труды.

– На... неделю? – переспросила Мейтер. – Так надолго? Но потребуется множество приготовлений...

– Возможно, на две недели, – задумчиво проговорила Лиза. Перед ней вырос лакей. – Принесите еще бренди, – приказала она.

– Боже милостивый! – с сомнением воскликнула Джейн. – Ты думаешь, кому-нибудь захочется задержаться здесь на полмесяца?

– Разумеется, – нарочито резко отозвалась Лиза, глядя в пространство между головами своих собеседниц. – Ведь хозяйка дома я, не так ли? Вдобавок я обещаю, что их интерес не увянет.

Мейтер тяжело вздохнула, расправила плечи и кивнула.

– Если иметь в запасе шесть или семь недель...

– Нет. Самое большее – месяц. – В августе Лиза всегда жестоко страдала от веснушек. Для приема гостей подходил лишь июль.

– А какой повод ты выберешь, чтобы всех собрать? – спросила Джейн.

Ответ пришел сразу, подсказанный вдохновением; Лизе на мгновение показалось, будто блестящая мысль осенила ее свыше.

– Недавно я читала книгу о мистицизме – виконтесса Санберн рекомендовала мне ее в своем последнем письме. Думаю, темой нашего собрания будет спиритизм. Мы пригласим всевозможных знатоков загробной жизни. Устроим демонстрации, эксперименты, лекции, а в самом конце соберемся все вместе и решим, кто из участников заслуживает доверия!

Джейн недовольно сморщила нос.

– Кучку святош и проповедников? Ты, верно, сошла с ума!

Лиза добродушно рассмеялась.

– Дорогая Джейн, ты выглядишь такой расстроенной! Нет, милая, я веду речь не о священниках, а об оккультистах – ясновидящих, медиумах и тому подобном.

– Приготовления займут больше месяца, – проворчала Мейтер.

– О, как ты замечательно придумала! – Джейн подскочила на месте. – А мистер Нелсон придет в бешенство, оттого что его не пригласили. Он просто позеленеет от зависти!

Лиза не сразу поняла, о чем говорит Джейн. Нелло уже не занимал ее мысли. Как странно. Она задумалась о бывшем возлюбленном подобно тому, как с осторожностью трогают языком больной зуб. Боль не исчезла, но заметно ослабела.

Должно быть, неотесанные северяне все же на что-то годны.

– Чувства мистера Нелсона меня не заботят, – отрезала она. Ее горести оставили Нелло равнодушным, вернее, побудили его избавиться от Лизы, как от негодного балласта. – Мейтер, мы должны начать немедленно. – Нужно отослать телеграммы, проветрить комнаты и отправить слуг в Лондон, чтобы воспользоваться телефоном.

– Да, мадам. – Сгорбившись, Мейтер извлекла из бесчисленных складок омерзительной юбки маленький блокнот и карандаш. – Полагаю, вы захотите нанять специалиста по столоверчению... и, возможно, цыганку, которая гадает на картах...

– И еще психографиста, пишущего медиума, что получает послания от духов, – предложила Джейн. – О, я видела демонстрацию этого дара два года назад, когда проводила зиму в Бате! Я чуть не умерла от ужаса! Клянусь тебе, Лиза, тот человек не мог знать вещи, о которых писал!

– Короче, – хмуро заключила Мейтер, – обычное сборище мошенников и негодяев.

– Адептов тайных наук, – поправила ее Лиза. – Негодяи, моя дорогая, будут исключительно в числе приглашенных зрителей.

Глава 6

Письмо пришло, когда страсти разгорелись не на шутку. Лиза стояла посреди бального зала, разглядывая бархатные шторы, которые только что доставили из Лондона. Ей уже дважды приходилось отсылать драпировки обратно, обмениваясь с поставщиками длинными записками и телеграммами, и вот теперь лакей вскрыл ящик и извлек... бордовые портьеры. Бордовый бархат.

– Боже, какой кошмар! – воскликнула Джейн.

– По-моему, они красные, – провозгласила Мейтер.

– Красные? Это вы называете красным?

– Я называю это глупостью, – холодно заключила Лиза. – Может, нам прочесть публичную лекцию о точном определении цветов и оттенков?

– Думаю, нужно хорошенько отчитать мадам Хьюз! – Джейн возмущенно топнула ножкой. – Ты же ясно сказала, алые или пунцовые, цвета свежепролитой крови! Не вульгарно-красные, словно занавески в борделе! Эти шторы выглядят...

– Зловеще, – закончила фразу Лиза. Оттенок штор был ближе к пурпурному, но на очередную замену времени не оставалось. Значит, следовало тщательно продумать освещение. – Нам понадобятся французские фонарики и канделябры. Впредь я не буду обращаться к услугам мадам Хьюз. – Лиза заказала шторы у мадам Хьюз только лишь потому, что ее собственный драпировщик с яростной настойчивостью требовал платы.

– О... – Джейн озабоченно нахмурилась, оглядывая комнату. – Возможно, французские фонарики и исправят дело, но в зале таких размеров...

Лиза тотчас поняла намек. В этом огромном зале свободно поместилось бы две сотни человек, не рискуя отдавить друг другу ноги. Если лакеям придется следить, чтобы ни один светильник не погас, им и вздохнуть будет некогда, не то что обнести гостей шампанским. Вдобавок разве не настало время задуматься об экономии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.